

ДАНИЭЛА СТИЛ

Возраст любви

SACRO

Даниэла Стил Возраст любви

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=605235

Даниэла Стил. Вторая попытка: Эксмо; Москва; 2010

ISBN 978-5-699-40752-1

Оригинал: DanielleSteel, "Special Delivery"

Перевод:

Владимир А. Гришечкин

Аннотация

У знаменитой кинозвезды Аманды Роббинс уже взрослые дети, но неожиданно для себя она влюбляется вновь. Джек Уотсон тоже полюбил Аманду, однако на пути их непростого счастья встают... их собственные дети. Но если это настоящая страсть, то ей не страшны никакие преграды, никакие условности и предрассудки.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	23
Глава 3	32
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Даниэла Стил

Возраст любви

Тому, с любовью и благодарностью за все счастливые дни.
Д.С.

Глава 1

Вылетевший из-за угла красный «Феррари» был похож на язык пламени. Пронзительно взвизгнули тормоза, и приземистый спортивный автомобиль аккуратно вписался в свободное пространство на стоянке, где всегда парковался Джек Уотсон. Сама стоянка располагалась в Беверли-Хиллз, возле фешенебельного салона, носившего название «У Джулии». Прошло ровно двадцать лет с тех пор, как Джек Уотсон назвал этот магазин в честь дочери, которой в ту пору было всего девять. Тогда Уотсон только что завершил свою карьеру продюсера и – просто ради забавы – открыл этот бутик, чтобы было чем заняться на досуге.

За свою жизнь Джек Уотсон снял семь или восемь малобюджетных фильмов, ни один из которых не пользовался сколько-нибудь значительным успехом. Еще раньше – на протяжении десяти или двенадцати лет после окончания колледжа – он был актером, но и актерская карьера не принесла ему ни славы, ни богатства. Как и у большинства актеров средней руки, тогдашняя жизнь Джека была полна смутных надежд и обещаний, но им не суждено было сбыться, и с каждой новой ролью он все больше и больше терял надежду на успех.

Розничная торговля эксклюзивной женской одеждой, бижутерией и предметами женского туалета неожиданно для всех, и прежде всего для него самого, оказалась куда более плодотворной. Довольно скоро и без каких-либо особенных усилий с его стороны скромный бутик, открытый, кстати, на скромное наследство двоюродного дяди по материнской линии, превратился в фешенебельный салон, за возможность покупать в котором любая представительница лос-анджелесского высшего света готова была отдать все на свете. Правда, на первых порах с ассортиментом товаров для салона Джеку помогала жена, но очень скоро он настолько поднаторел в этом, что стал самолично ездить по поставщикам, отбирая для своего салона наиболее модные и изящные вещи.

У него оказался настоящий талант коммерсанта, но, к великой досаде своей жены, Джек начал разбираться не только в предметах женского туалета, но и в самих женщинах. Он всегда был лакомкой, но прежде ему приходилось сначала побегать за предметом своего вожделения; теперь же для удовлетворения своих сексуальных appetитов ему достаточно было несколько раз мило улыбнуться. Актрисы, манекенщицы и прочие «дамы из общества» мечтали не только покупать «У Джулии», но и... встречаться с Джеком Уотсоном. Их влекло к нему, как пчелу влечет к цветку запах нектара, и Джеку это нравилось. И женщины ему тоже нравились.

Через два года после того, как Джек открыл свой магазин, от него ушла жена. Для него – но не для всех остальных – это стало сюрпризом, однако на протяжении последующих восемнадцати лет он ни разу не пожалел об этом. Со своей будущей женой он познакомился на съемочной площадке, когда она пришла пробоваться на какую-то второстепенную роль. Следующие две недели, насыщенные безудержной страстью, они провели в его коттеджике в Малибу, а уже через шесть месяцев поженились. Джек был безумно и безоглядно влюблен в Барбару, и, должно быть, именно благодаря этому их брак, который был первым для обоих, продержался целых пятнадцать лет и ознаменовался рождением двух детей. Однако конец семейной жизни Джека был самым банальным. Взаимное озлобление, раздражение и разочарование друг в друге сделали дальнейшую совместную жизнь невозможной, а развод еще больше убедил Джека Уотсона в том, что всякий брак обречен изначально и что каждый умный человек должен беречься его, как огня.

Только раз за всю свою последующую жизнь он снова испытал желание связать свою жизнь с любимой женщиной, но она оказалась слишком умна, чтобы польститься на такое сокровище, как Джек Уотсон. Между тем, как он часто признавался себе, Дорианна была единственной женщиной, которая вызывала в нем желание хранить ей верность. И, пока

продолжался их роман, он действительно ни с кем, кроме нее, не встречался. Ему просто не хотелось.

Тогда ему было сорок с небольшим, а ей – тридцать девять. Дорианна была французкой, но жила в Штатах, делая весьма успешную карьеру на поприще живописи. Они с Джеком прожили вместе два года, и, когда она погибла в дорожной аварии в Палм-Спрингс, он думал, что уже никогда не оправится от этого удара.

Впервые за всю жизнь Джек Уотсон узнал, что такое настоящая боль. Дорианна была единственной женщиной, которую он по-настоящему любил, и даже теперь, много лет спустя, он вполне серьезно утверждал, что такой, как она, ему никогда больше не встретить. Она была веселой, жизнерадостной, непосредственной, чертовски сексуальной и ослепительно красивой. С ней ему было удивительно легко и одновременно – невероятно трудно. Дорианна не спускала ему ни одной шутки, ни одного, даже случайного, проявления мужского шовинизма, всерьез утверждая, что выйти за него замуж может только круглая идиотка. И Джек с глупейшей улыбкой соглашался с ней. Он знал, что Дорианна любит его, любит по-настоящему.

Что касалось самого Уотсона, то он не просто любил Дорианну – он преклонялся перед ней, боготворил, прощал ей едкие шутки и готов был исполнить любое ее желание. Как-то Дори повезла его с собой в Париж, чтобы познакомить со своими друзьями, и он поехал, бросив свой салон на произвол судьбы. А прямо из Парижа они отправились в долгое путешествие по всему миру (они не были разве что в Австралии), потому что так захотела она. О своих делах Джек просто не думал, да и какие могли быть дела, когда каждая минута, каждое мгновение, проведенные с Дорианной, были напоены для него самым настоящим волшебством, от которого хотелось и смеяться, и плакать одновременно.

Это было настоящее счастье, и Джеку не хотелось даже думать о том, что этой беззаботной и удивительной жизни может наступить конец, но судьба рассудила иначе. Нелепая случайность оборвала жизнь Дорианны в тот самый момент, когда она спешила на свидание с ним. Ее смерть сделала его жизнь такой пустой и бессмысленной, что порой Джеку казалось: еще немного, и он не выдержит этого невыразимого одиночества и наложит на себя руки.

Но, как известно, время – лучший целитель, и его рана хотя и не перестала болеть, но по крайней мере больше не кровоточила. У Джека снова появились женщины – множество женщин, – которые помогали ему коротать пустые дни и бесконечные ночи, которые казались особенно длинными из-за того, что ему приходилось проводить их одному, в пустой и холодной постели. Впрочем, за двенадцать лет, прошедших со дня гибели Дорианны, таких ночей у Джека почти не было, но это вовсе не значило, что он забыл ее. Да, рядом с ним постоянно были женщины, с которыми он готов был разделить свою постель, однако ни одну из них он так и не сумел полюбить. Да он и не хотел этого, на собственном опыте убедившись, что любовь приносит слишком много боли, чтобы повторно отважиться на эту пытку.

Вот как получилось, что к пятидесяти девяти годам у Джека Уотсона было все, о чем мужчина может только мечтать. Физически он все еще был достаточно крепок, чтобы менять любовниц каждую неделю, а то и чаще. Кроме того, у него было дело, которое словно само собой продолжало расти, расширяться и при этом приносило неплохой доход, которым Джек мог распорядиться по своему усмотрению.

Второй салон в Палм-Спрингс Джек открыл, еще когда Дори была жива. Через пять лет после ее гибели он организовал небольшой филиал в Нью-Йорке, а в последние год-два подумывал о том, чтобы открыть бутик и в Сан-Франциско. Вместе с тем он вовсе не был уверен в том, что в его возрасте стоит и дальше расширять бизнес. Новая торговая точка означала бы для него только лишнюю головную боль. Другое дело, если бы его сын Пол смог помочь ему, но – нет... Пола интересовала только его карьера в кинематографе, и Джеку так

и не удалось убедить его в том, что сеть дорогих салонов может принести ему и славу, и деньги. Впрочем, он хорошо понимал Пола: в свои тридцать два года сын уже был довольно известным продюсером, вкушившим настоящий успех, о котором его отец мечтал когда-то, но так и не добился. К тому же Пол искренне любил свое дело, а к отцовскому бизнесу относился с легким пренебрежением, которое, впрочем, было вполне естественным для человека, сумевшего подняться к самым вершинам кинематографического олимпа, или, если точнее, к вершинам Голливудских холмов.

Правда, многие звезды тоже открывали свои собственные магазины или сети ресторанов, однако для них это не было главным. Возможно, Пол просто считал, что у него все еще впереди, однако Джек не разделял уверенности сына в будущем. Дело было даже не в том, что он сомневался в его способностях, таланте, трудолюбии, – просто он слишком хорошо знал кинематографический мир и понимал, что киноиндустрия как вид предпринимательства является делом в высшей степени рискованным, нестабильным, чреватым многими и многими разочарованиями. Именно поэтому он был так настойчив, пытаясь убедить сына в том, что одно другому не помеха, однако Пол упрямо стоял на своем, и Джеку приходилось утешаться тем, что со временем ситуация изменится. Да и в любом случае Пол и Джулия были его единственными наследниками.

Кроме собственной карьеры в кино, Пол был озабочен и еще одной проблемой. Он был женат уже два года, и его семейная жизнь складывалась удачно, однако, если верить его собственным словам, единственное, чего не хватало Полу, так это ребенка. Джек, правда, не знал точно, насколько это обстоятельство действительно волнует сына, однако даже для него было очевидно, что жена Пола относится к этой проблеме очень серьезно. Что, по мнению Джека, объяснялось тем, что Джен до замужества работала в картинной галерее, то есть – с точки зрения такого закоренелого холостяка, каким со временем сделался Уотсон, – целыми днями била баклуши, ожидая, пока какой-нибудь молодчик возьмет ее замуж и сделает ей ребеночка. И вот теперь факт оставался фактом: свою бездетность она воспринимала очень болезненно и остро.

Джен в общем-то нравилась Уотсону, хотя, на его взгляд, ей не хватало характера. Впрочем, она была очень мила, и Пол был счастлив с нею. Кроме того, Джен была еще и красива – ее матерью была знаменитая кинозвезда Аманда Роббинс, которая, хотя и перестала сниматься, в свои пятьдесят оставалась весьма и весьма привлекательной женщиной. Высокая, стройная, светловолосая, она не утратила ни своей горделивой осанки, ни изящной точности в движениях, и на нее было так же приятно смотреть, как и двадцать пять лет назад, когда она оставила карьеру кинозвезды и вышла замуж за весьма обеспеченного, респектабельного и – с точки зрения Джека – донельзя скучного типа по имени Мэттью Кингстон. Мэттью был членом совета директоров одного из самых крупных банков Тихоокеанского побережья и играл там первую скрипку. Стоило ли говорить, что Кингстоны вращались в самых высших сферах, жили в собственном особняке в Бель-Эйр и, похоже, считали себя если не небожителями, то, во всяком случае, не простыми смертными.

Аманда Кингстон-Роббинс была одной из немногих лос-анджелесских знаменитостей, которые никогда и ничего не покупали «У Джулии», и сознание того, что она его просто органически не переносит, приносило Джеку какое-то извращенное удовольствие. Казалось, что ей глубоко противно все, что он любит и ценит, и даже сам его образ жизни она, похоже, воспринимала как личный вызов. Каждый раз, когда их дорожки пересекались, Аманда держалась с ним с подчеркнутой вежливостью, граничащей с презрением, но Джека это только забавляло. Впрочем, положив руку на сердце, он тоже не мог сказать, что миссис Кингстон ему симпатична. Его несколько не удивило то, что Аманда всеми силами старалась отговорить свою младшую дочь от брака с «этим сомнительным Уотсоном», полагая, видимо, что шоу-бизнес сделает из Пола такого же развратника, каким стал его отец. Джек тоже не был

в особенно большом восторге от намерения сына жениться на этой «гордячке Кингстон», однако он знал Пола лучше, чем Аманда и ее муж-банкир. Пол всегда был серьезным молодым человеком. Поэтому после свадьбы он довольно быстро сумел зарекомендовать себя заботливым и верным супругом, так что в конце концов Аманда и Мэттью скрепя сердце приняли его в лоно семьи. К Джеку, однако, они своего отношения не изменили – его репутация была слишком хорошо известна в Лос-Анджелесе, к тому же он не делал ни малейших попыток изменить свое поведение. Как и несколько лет назад, Джек Уотсон был все так же хорош собой, по-прежнему не пропускал ни одного светского мероприятия и все так же укладывал к себе в постель всех восходящих голливудских звездочек и топ-моделей, которые только попадались ему на глаза.

Правда, даже Аманда не могла не признать, что он был неизменно добр и внимателен к женщинам, с которыми встречался. Джек был остроумен, щедр, снисходителен и мягок в обращении, проводить с ним время было довольно приятно. Красотки, с которыми он спал, просто обожали его, и лишь некоторые бывали достаточно глупы, чтобы вообразить, будто они могут рассчитывать на нечто большее, чем просто увлекательная интрижка. Джек Уотсон был, что называется, стреляный воробей. Он ревностно следил за тем, чтобы женщины, которые появлялись в его жизни, исчезали прежде, чем они успеют запустить свои коготки в его, как он выражался, «бедное мужское сердце». Чужую зубную щетку на полке в ванной он еще терпел, но никогда не доводил дело до того, чтобы его приятельницы оставляли одежду в его стенном шкафу. Это, впрочем, удавалось Джеку с завидной легкостью, поскольку со своими дамами он всегда был предельно откровенен. Он никогда не старался произвести впечатление, не давал никаких обещаний и скоропалительных клятв и прямо заявлял очередной претендентке, что от нее ему нужна только постель, что, впрочем, не мешало многим сладко заблуждаться на его счет.

И неудивительно. Джек не просто спал с женщинами – он ухаживал за ними, всячески развлекал, водил по ресторанам и закрытым клубам, куда без него они вряд ли могли бы попасть, поил лучшими винами, угощал изысканнейшими обедами и... неожиданно бросал, увлекшись другой. Он сознательно старался сделать расставание как можно безболезненное для обеих сторон, и его любовницам, как правило, вполне хватало сладостных воспоминаний о бурном, хотя и кратком романе с красивым, веселым, щедрым и сексуальным мужчиной, обратившим на них свое внимание. Правда, многим хотелось бы, чтобы роман этот продолжался и продолжался, однако досада их быстро проходила. На Джека просто невозможно было долго сердиться. С точки зрения абсолютного большинства женщин, он был настоящим душкой, мужчиной, стоящим настолько близко к идеалу, насколько это вообще возможно. Он даже бросал их с очаровательной легкостью, а это, безусловно, дано не каждому. Кроме того, изредка встречаясь с замужними женщинами, Джек никогда не позволял себе ни одного дурного слова в адрес мужей-рогоносцев, и это придавало ему благородства и еще больше возвышало по сравнению с другими.

Словом, Джек Уотсон был отличным парнем: настоящим кавалером, изысканным любовником, неисправимым плейбоем, но, самое главное, он всегда держался естественно и никогда не притворялся. В свои пятьдесят девять Джек выглядел на сорок пять – сорок семь, но он никогда не делал тайны из своего возраста и объяснял всем и каждому, что поддерживать форму ему помогают ежедневные физические упражнения, частые купания в океане и общение с «тезкой», под которым он подразумевал виски «Джек Дэниелс». Последнее, конечно, было шуткой, поскольку пил Джек редко и равнодушно, однако все остальное было верно: свой коттедж в Малибу он сохранил и даже пристроил к нему небольшой тренажерный зал.

Если верить Джеку, то больше женщин он любил только свой красный «Феррари», однако это было не совсем так. На самом деле единственным, к чему он относился по-насто-

ящему серьезно, были его дети – Пол и Джулия. Для Джека они были всем – маяком, путеводной звездой, светом в окошке, и он знал, что так будет всегда, что бы ни случилось. Барбару – их родную мать – он вспоминал довольно редко, но каждый раз испытывал к ней бесконечную благодарность за то, что ей хватило здравого смысла и решимости уйти от него. Благодаря этому в последние восемнадцать лет своей жизни он делал все, что хотел. У него были деньги и ничем не ограниченная свобода, и Джек сумел распорядиться и тем и другим так, чтобы извлечь для себя максимальное удовольствие. Для женщин он был практически неотразим, но самое главное заключалось в том, что Джек отлично это знал и умело этим пользовался. Однако – как ни странно – в нем не было ни наглости, ни излишней самонадеянности, ни пренебрежения к тем, с кем он спал. Напротив, Джек старался доставить своим партнершам как можно больше удовольствия как в постели, так и вне ее; это легко ему удавалось, и редкая женщина не чувствовала себя рядом с ним обворожительной красавицей. Что касалось самого Джека Уотсона, то и он за редким исключением чувствовал себя вполне счастливым и довольным. Ему нравилось приятно проводить время, и он не собирался ничего менять в своей жизни. Он любил женщин и не видел в этом ничего дурного, и женщины платили ему той же монетой.

* * *

– С добрым утром, мистер Уотсон, – приветствовал его менеджер салона, когда Джек быстрым шагом пересекал торговый зал, направляясь к служебному лифту. Его кабинет находился на втором этаже и был отделан черной кожей и отполированной нержавеющей сталью. Это ультрасовременное убранство было плодом фантазии знаменитой итальянской художницы по интерьерам, с которой у Джека совсем недавно состоялся бурный роман. В конце концов красавица итальянка открытым текстом заявила ему, что ради него готова бросить мужа-архитектора и троих детей, но Джеку удалось убедить ее, что совместная жизнь с ним способна свести с ума кого угодно. И, как и со многими другими женщинами, они с Паолой расстались добрыми друзьями, не только не имеющими друг к другу никаких претензий, но и благодарными друг другу за полученное удовольствие.

Джек знал, что, когда он поднимется в свой итальянский кабинет, его уже будет ждать чашечка горячего кофе и легкий завтрак. Сегодня утром он особенно нуждался в этом, так как приехал на работу позже обычного, предварительно побывав на пляже и вдоволь наплававшись в океане. Несмотря на январь, погода стояла довольно теплая, чего нельзя было сказать о воде, однако Джека это не остановило. Он любил плавать, любил свой дом на побережье и точно так же любил все, что было связано с его бизнесом. Он мог сильно увлечься женщиной, но это не могло заставить его забыть о магазине, в котором он появлялся каждое утро. У него был толковый, знающий управляющий и умница секретарша, которым он мог со спокойной душой доверить свой салон хоть на месяц, но Джек считал, что не имеет права этого делать. Кроме того, ему самому нравилось просматривать каталоги, возиться с бухгалтерской отчетностью и улаживать тысячи мелких проблем, которые возникали чуть ли не ежедневно.

Да, в том, что салон «У Джулии» был одним из самых успешных коммерческих предприятий, не было ничего удивительного или случайного. Предприятие Джека росло благодаря его каждодневной заботе и попечению, и за двадцать лет он вложил в него немало душевных сил. Должно быть, поэтому Джек отверг несколько весьма выгодных предложений о присоединении «Джулии» к сети городских универсальных магазинов, в результате чего он стал бы открытым для широкой публики. В этом, разумеется, не было ничего страшного, но Джек попросту не был готов к такому повороту дел. Салон «У Джулии», выросший

из небольшого бутика, был на сто процентов его детищем, и ему нравилось быть его единственным владельцем, самому принимать решения и отвечать только перед самим собой.

Когда Джек вошел в кабинет, на его столе, кроме чашечки кофе и бутербродов с русской икрой, лежало несколько телефонограмм, расписание деловых встреч и звонков на сегодня, а также несколько французских товарных каталогов, получения которых он ждал с большим нетерпением. Продукцию парижских фирм можно было без преувеличения назвать великолепной, и Джек с благодарностью вспомнил Дорианну, которая научила его понимать волшебство французских тканей, посвятила в тайны французской кухни, познакомила с изысканным вкусом французских вин... и французских женщин тоже. Он до сих пор питал своего рода слабость ко всему, что было связано с Парижем, и в его салоне всегда было много французских товаров. Джек выписывал их из Франции по фирменным каталогам, и, хотя затраты были велики, это неизменно себя оправдывало. Карден, Сен-Лоран, Шанель – магия этих имен срабатывала безотказно.

Не успел Джек сесть в свое кресло, как раздался музыкальный сигнал селектора внутренней связи, и он, не глядя, включил микрофон.

– Алло, – произнес он глубоким бархатистым баритоном, один звук которого заставлял женские сердца замирать в сладкой истоме. Из этого правила было, однако, одно исключение. Чары Джека совершенно не действовали на его секретаршу, Глэдди, которая слишком хорошо знала своего босса. Она работала у Уотсона уже пять лет и прекрасно разбиралась, что к чему. Джек со своей стороны также относился к ней чисто платонически, поскольку уже давно выработал себе одно правило: никогда не иметь интимных отношений с женщинами, которые на него работают. И за все время он еще ни разу не нарушил этого закона, хотя другие правила, касавшиеся женщин, Джек нарушал всякий раз, когда так ему было удобнее.

– Кто там, Глэдди? – спросил он.

– Звонит ваш сын, мистер Уотсон. Будете говорить или сказать ему, что вы заняты? В десять пятнадцать у вас назначена деловая встреча, представитель фирмы вот-вот подойдет...

– Пусть подождет, – решил Джек. В десять пятнадцать он ожидал представителя миланской кожгалантерейной компании, которая изготавливала эксклюзивные дамские сумочки из кожи аллигаторов и бразильских игуан, однако этот визит был уже чисто техническим – главные переговоры он провел с итальянцами еще на прошлой неделе. – Давай мне Пола, а если макаронник появится – займи его чем-нибудь. Ты же умеешь...

– Хорошо, шеф.

Глэдди переключила телефон на городскую линию, и Джек с улыбкой взял трубку, одновременно выключая громкоговоритель селектора. Он всегда старался заниматься в первую очередь детьми и лишь потом – бизнесом. Только что-нибудь действительно очень важное или срочное могло заставить его поступить иначе. Джек всегда был без ума от Джулии и от Пола – несмотря на множество недостатков, этого у него отнять было нельзя.

– Привет, парень, – сказал он в трубку. – Как дела?

– Привет, папа, – отозвался Пол. – Я звоню, чтобы уточнить: мне заехать за тобой или ты подъедешь прямо на место?

По характеру Пол был гораздо спокойнее и уравновешеннее отца, но сегодня его голос звучал озабоченно, и Джек сразу это отметил.

– Куда это я должен подъехать? – удивленно переспросил он. Слова сына не затронули в его памяти ни единой струнки; как Джек ни старался, он не мог припомнить, о чем он договаривался с Полом и когда. Обычно подобных вещей он не забывал – все, что касалось детей, было для него свято. Но на этот раз, как видно, память его подвела.

– Ну, папа же!.. – В голосе Пола прозвучали и досада, и огорчение. Он явно был расстроен реакцией Джека. – Это серьезное дело. Я просто не понимаю, как ты можешь шутить.

– Я и не собирался шутить. – Джек сдвинул в сторону каталоги и принялся рыться в лежащих на столе бумагах, ища расписание деловых мероприятий или памятную записку от Глэдди, которая помогла бы ему вспомнить, в чем дело.

– Напомни еще раз, куда мы должны ехать? – спросил он и внезапно все вспомнил. – О господи, у меня совсем из головы вылетело!

Он действительно вспомнил. На сегодня были назначены похороны тестя Пола, банкира Мэттью Дж. Кингстона. Как он мог забыть об этом?! Главное, Джек не только нигде не записал это, но даже не предупредил Глэдди, которая непременно напомнила бы ему о похоронах и вчера вечером, и сегодня утром.

– Неужели? – едко осведомился Пол, заподозривший отца в нежелании ехать в дом Кингстонов и участвовать в траурной церемонии. – Что-то мне не верится.

– Да нет, я действительно... Я не то чтобы забыл, просто не думал об этом. У меня голова была занята совсем другим.

– Чушь. Ты просто не хочешь туда идти и встречаться с Амандой. Так вот, я тебе напоминаю, что похороны состоятся ровно в двенадцать, а потом в Бель-Эйр пройдут поминки. Ты, разумеется, можешь никуда не ходить, но мне кажется, что твое присутствие было бы, гм-м... весьма желательно.

Сестра Пола Джулия уже сообщила, что непременно будет на траурной церемонии, и отсутствие Джека могло быть истолковано превратно.

– Как ты думаешь, сколько человек они пригласили? – спросил он сына, ломая голову над тем, что ему делать с несколькими деловыми свиданиями, назначенными на вторую половину дня. Джек, разумеется, предпочел бы никуда не ходить, но он понимал, что для Пола его появление на похоронах тестя действительно важно, и собирался сделать все, что только будет в его силах.

– На поминки? Откровенно говоря, я не знаю. Ты же знаешь, у них было очень много знакомых и в деловом мире, и среди самых известных людей в городе. Может, человек двести, если не все триста.

«Вот это да...» – подумал Джек и вспомнил, как он был поражен, когда на свадьбу Пола приехало больше полутысячи гостей со всех концов страны. «Впрочем, не на свадьбу Пола, а на свадьбу Джен Кингстон», – тут же поправил себя он.

– Вот и отлично, – сдержанно сказал он в трубку. – Значит, если я не пойду на поминки почтенного мистера Кингстона, никто даже не заметит, что меня там не было. Впрочем, ладно, – поспешно добавил он, почувствовав недовольство Пола. – Я загляну в церковь. Спасибо за предложение заехать за мной, но я думаю, что тебе следует быть с Джен и с ее матерью. Я и сам доберусь.

– Только постарайся сделать так, чтобы Аманда тебя заметила, – предупредил Пол. – Джен очень расстроится, если ее мать решит, что тебя не было на похоронах.

– Аманде будет гораздо приятнее, если я не приеду на похороны, – ответил Джек и рассмеялся. Он никогда не делал секрета из той неприязни, которая существовала между ним и Амандой Кингстон. На свадьбе Пола он танцевал с ней один или два раза, и Аманда, не произнеся ни одного резкого слова, сумела совершенно недвусмысленно дать ему понять, что он ей глубоко антипатичен. Удивляться этому не приходилось: как и большинство жителей Лос-Анджелеса, она имела отличную возможность читать в газетах подробнейшие отчеты о его личной жизни. И дело было даже не в том, что писали о Джеке Уотсоне журналисты, – дело было в самом факте появления его имени в газетах – и в бульварной прессе, и в солидных газетах. Очевидно, после того как Аманда оставила свою кинокарьеру и стала женой финансового магната, она усвоила строгие принципы мужа, которые состояли в том, что приличные люди должны упоминаться в прессе только в связи с рождением, бракосочетанием или смертью. Имя и фамилия Джека, напротив, появлялись в газетах каждый раз, когда

его видели в обществе популярной киноактрисы, восходящей кинозвездочки или блестящей манекенщицы или же когда он устраивал «У Джулии» шумный прием с шампанским для своих самых знаменитых клиентов.

Его салон, кстати, был известен не только своим богатым ассортиментом, но и этими самыми вечеринками, проходившими в экстравагантно отделанном торговом зале, спроектированном модными европейскими дизайнерами. Друзья, знакомые и знакомые знакомых любыми способами добивались приглашения на эти вечеринки, но Кингстоны – никогда. А Джек, зная, что ни Аманда, ни ее муж все равно не придут, даже не давал себе труда посылать им пригласительные билеты.

– Смотри не опоздай, па! Я тебя знаю – ты способен опоздать даже на собственные похороны.

– Которые, хочется надеяться, состоятся еще не скоро, – парировал Джек. – И вообще, спасибо тебе, сынок, за заботу. Только не приглашай на мои похороны Аманду Кингстон. Мне-то, конечно, будет уже все равно, просто я не хочу доставить ей эту радость, – добавил он, раздумывая о сердечном приступе, который убил Мэттью Кингстона. Банкир скоропостижно скончался четыре дня назад на теннисном корте, а ведь он был на два года моложе Джека. Его партнер по игре оказал мистеру Кингстону первую помощь, но ни его старания, ни усилия своевременно вызванной бригады «Скорой помощи» ни к чему не привели. И вот теперь пятидесятисемилетнего Мэттью Кингстона оплакивала его семья и весь деловой и финансовый мир страны, за исключением, быть может, одного Джека Уотсона. Они с Мэттью были официально представлены друг другу, но Джек никогда не вел с тестем Пола никаких дел и не стремился к этому. Мистер Кингстон всегда казался ему чересчур правильным, напыщенным и бесконечно нудным.

– Ладно, па, увидимся, – быстро сказал Пол. – Мне еще надо заехать за Джен – она сегодня ночевала дома, у своих.

– Кстати, твоей Джен ничего не нужно? Скажем, траурное платье, шляпку, перчатки? Я могу попросить моих девочек, чтобы они все приготовили, а ты захватил бы все это по пути.

– Спасибо. – Пол улыбнулся. Как все старики, Джек иногда начинал брюзжать, но на самом деле он был отличным парнем, и Пол искренне любил его. – Ты это хорошо придумал, но у Джен есть все необходимое. Аманда обо всем позаботилась. Она совершенно убита, но старается держаться. Не представляю, как ей только это удастся... Поистине, моя теща – удивительная женщина!

– Твоя теща – настоящая Снежная королева! – не подумав, ляпнул Джек и немедленно пожалел об этом, но исправить что-либо было уже поздно. Пол немедленно отреагировал:

– Стыдно, отец, говорить так о женщине, которая только что потеряла мужа!

– Ну извини, извини, – примирительно пробормотал Джек и вздохнул. Они оба знали, что в своей оценке он не так уж далек от истины. Аманда Кингстон всегда выглядела спокойной, уравновешенной, уверенной в себе женщиной. Ни Джек, ни даже Пол, встречавшийся с Амандой гораздо чаще, чем отец, не могли припомнить случая, чтобы она вышла из себя. Прическа ее неизменно бывала аккуратной, а одежда – такой безупречной и строгой, что каждый раз, когда Джек смотрел на это совершенство во всех отношениях, он испытывал почти непреодолимое желание взлохматить ей волосы, сорвать с нее платье, уложить в постель и посмотреть, что из этого выйдет.

Неожиданно для себя Джек подумал об этом и сейчас, и, даже повесив трубку, он еще некоторое время размышлял об Аманде, хотя обычно делал это довольно редко. Он хотел бы искренне сочувствовать ее горю, ибо хорошо помнил, как плохо ему было, когда он потерял Дори, однако Аманда представлялась ему настолько сдержанной и холодной, что даже сочувствовать ей было непросто. Она была слишком совершенна, а любое, даже самое божественное совершенство вызывает в простых смертных глухое раздражение и протест. Кроме того,

несмотря на свои пятьдесят, она все еще выглядела свежо и привлекательно – почти как двадцать пять лет назад, когда звезда серебряного экрана Аманда Роббинс оставила кинобизнес, чтобы стать женой Мэттью Кингстона. Их свадьба наделала много шума, и еще долго в барах Голливуда операторы и продюсеры бились об заклад, сколько времени пройдет, прежде чем Аманда пошлет к черту своего скучного сухаря и вернется в волшебный, сверкающий мир кинематографа. Но шли годы, а этого так и не случилось. Аманда сохраняла свою сногшибательную внешность, свою изысканную, холодную красоту, но ее карьера была закончена раз и навсегда. Возможно, она и хотела вернуться, но Мэттью Кингстон ей не позволил. В это было довольно легко поверить, поскольку банкир вел себя так, словно владел ею, как владеют недвижимостью или крупным пакетом акций.

Вздохнув, Джек поднялся с кресла и заглянул в стенной шкаф. Он выбрал темно-серый костюм строгого покроя, как раз то, что надо для церемонии похорон, пусть это даже были похороны банкира. Правда, среди светло-голубых, красных и желтых галстуков, висевших здесь же, не оказалось ни одного темного, но это было легко исправить.

Захлопнув дверцы шкафа, Джек вышел в приемную.

– Почему ты не напомнила мне о похоронах? – строго спросил он у Глэдди и скорчил страшную гримасу, хотя на самом деле он ничуть не сердился, и секретарша прекрасно это понимала. Джек Уотсон принадлежал к тем редким людям, которые никогда не сваливают свою вину на других и умеют признавать собственные ошибки. Это было одной из причин, почему Глэдди нравилось работать у него. В некоторых кругах Джек Уотсон был известен как человек ветренный и безответственный, но Глэдди знала его гораздо лучше. С людьми, которые работали у него, Джек был неизменно внимателен и щедр; любой из его сотрудников – начиная от старшего бухгалтера и заканчивая продавщицей или уборщицей – мог положиться на него в трудную минуту. И персонал отвечал на заботу самоотверженным и честным трудом.

– А я подумала, что вы решили не ходить, – без колебаний ответила Глэдди. – Или вы забыли?

Джек с виноватой улыбкой кивнул:

– Совершенно забыл, Глэдди. И, должно быть, это неспроста. Терпеть не могу ходить на похороны людей младше себя. Каждый такой случай наводит на грустные мысли о...

Не договорив, он энергично потрянул головой, не желая говорить о неприятном.

– Сделай одолжение, Глэд, загляни в «Гермес» и купи мне, пожалуйста, темный галстук. Только, упаси бог, не черный, не траурный, – просто достаточно строгий, чтобы не поставить Пола в неловкое положение перед тещей. В общем, я надеюсь, что ты не купишь галстук с обнаженной женщиной?

Глэдди улыбнулась и взяла в руки свою сумочку. Она уже собиралась уходить, когда в офисе появился представитель итальянской кожевенной фирмы с помощником, и Джек, жестом отпустив замешкавшуюся на пороге секретаршу, повернулся к ним. Эта должна была быть очень короткая встреча, и он мог справиться со всем без ее помощи.

К одиннадцати часам Джек договорился о поставке итальянцами полутора сотен изящных дамских сумочек из крокодиловой кожи и попрощался с гостями. В дверях он столкнулся к Глэдди, которая вернулась из «Гермеса» с французским галстуком темно-серого цвета, по всему полю которого были разбросаны крошечные белые треугольники и квадраты. Это было то, что надо, – Джек понял это сразу.

– Отлично, Глэдди, – благосклонно кивнул он и отправился переодеваться. Через несколько минут, на ходу завязывая галстук, Джек снова вышел в приемную.

– Ну как я выгляжу? Пристойно? – спросил Джек, останавливаясь перед зеркалом и поправляя на шее узел галстука. У него были светло-каштановые волосы, теплые темнокarie глаза и резкие, но не жесткие черты лица. Темно-серый костюм, отлично сидевший

на его спортивной фигуре, белая сорочка и мягкие французские туфли ручной работы были безупречны, и Глэдди невольно залюбовалась своим шефом.

– Пристойно?.. Я бы сказала – великолепно, но, боюсь, вряд ли так можно сказать о человеке, который собрался на похороны, – ответила она. Как и всегда, его мужские чары оставили Глэдди равнодушной, о чем Джек отлично знал. Это, впрочем, его нисколько не задевало, – напротив, ему даже нравилось, что Глэдди совершенно наплевать на его репутацию, на его успех у женщин и на его внешность. Ее интересовало только дело, а со своими обязанностями она справлялась отлично.

– Нет, серьезно, шеф, вы выглядите просто блестяще. Пол может гордиться вами.

– Что ж, будем надеяться, что моя внешность произведет впечатление даже на его благонравную тещу и она воздержится от того, чтобы вызвать полицию нравов. Господи, ненавижу похороны!.. – Последние слова вырвались у него совершенно непроизвольно, ибо Джек снова вспомнил Дори. Ему действительно было очень тяжело тогда: сначала он испытывал настоящий шок, за которым пришла боль – непереносимая, мучительная боль, которой, казалось, не будет конца. Джек никак не мог смириться с тем, что Дорианна ушла навсегда. Ему потребовались годы, чтобы если не принять это, то по крайней мере понять. Увы, пустоту в сердце, которую он пытался заполнить десятками женщин, ему не удалось победить до сих пор. Ни одна из его любовниц не могла сравниться с Дорианной, которая была такой красивой, такой сексуальной, такой озорной, веселой и желанной, что при одном воспоминании о ней Джек чувствовал себя несчастным. Даже сейчас, двенадцать лет спустя, он все еще ощущал в груди тупую, саднящую боль, которую не в силах были умирить никакие лекарства.

Спускаясь по лестницам и шагая через торговый зал, Джек не замечал восхищенных взглядов, которые бросали на него покупательницы. Сев за руль «Феррари», он рванул с места с такой скоростью, что покрышки протестующе взвизгнули, а мощный мотор взревел, словно двигатель самолета. Через пять минут он уже ехал по бульвару Санта-Моника к епископальной церкви Всех Святых, где должно было состояться отпевание. Часы показывали начало первого, и движение на бульваре оказалось гораздо более оживленным, чем он рассчитывал. Казалось, в этот теплый январский полдень каждый житель Лос-Анджелеса считал необходимым сесть в свой автомобиль и немедленно отправиться в путь – неважно, по делам или просто так.

В результате он опоздал к началу службы на двадцать пять минут. Кое-как припарковав «Феррари» на ближайшей платной стоянке, Джек торопливо вошел в церковь и встал в одном из последних рядов.

Народу на отпевание собралось столько, что в первую минуту Джек был ошеломлен. Казалось, в церкви собралось не меньше пятисот-шестисот человек, хотя он был уверен, что на самом деле народу здесь гораздо меньше. Сидячих мест, во всяком случае, уже не было, люди стояли в проходах, и протиснуться вперед не было никакой возможности. Впрочем, Джек не испытывал никакого желания быть в первых рядах. Он пришел сюда только из-за Пола и собирался исчезнуть как можно скорее. Единственное, что его беспокоило, – это данное сыну обещание непременно попасться на глаза Аманде или кому-то из близких родственников.

Привстав на цыпочки и вытянув шею, Джек попытался высмотреть в толпе сына с женой или Джулию, но его дочери нигде не было видно. Зато Пола он увидел сразу. Сын Джека сидел на передней скамье между Джен и ее сестрой. Где-то там должна была быть и Аманда, но ее, судя по всему, заслоняла от Джека массивная колонна. Впрочем, его внимание сразу же приковал к себе гроб, стоявший перед алтарем на специальной подставке.

Гроб из полированного красного дерева с бронзовыми ручками по бокам воплощал своей строгой геометрией неизбежность конца всякого земного пути, и некоторое время

Джек не мог думать ни о чем другом, кроме этого. Крышка гроба была задрапирована гирляндами траурно-зеленого мха и мелких бело-голубых орхидей. Они были очень красивы, как, впрочем, и другие цветы, которыми была убрана вся церковь. Разглядывая букеты и гирлянды орхидей, развешанных между колоннами, Джек каким-то образом догадался, что это Аманда распорядилась украсить церковь подобным образом. Он не особенно раздумывал об этом – его убедили та тщательность и внимание к деталям, которые Аманда проявляла во всем, что бы она ни делала. Джек хорошо помнил, как продуманно и со вкусом была украшена церковь во время бракосочетания Пола и Джен, и ему оставалось только поражаться, как Аманде удалось остаться верной себе, несмотря на постигшее ее горе.

Впрочем, Джек быстро забыл об Аманде и, прислонясь к колонне, погрузился в невеселые размышления о своей собственной бренности, о которой ему напомнил и этот гроб, и весь антураж протестантской службы. Друзья покойного один за другим произносили над гробом прощальные слова, а Джек с грустью размышлял о том, что когда-нибудь и он будет так же лежать, не видя и не слыша ничего вокруг. Потом Джек подумал о том, как на его похоронах сойдутся десятки – если не сотни – женщин, с которыми он когда-то был близок, и эта мысль почти развеселила его, но тут слово взял Пол. Он произнес совсем небольшую речь, но она была по-родственному прочувствованной и трогательной, и, когда после службы Джек подошел к сыну, в глазах его стояли настоящие слезы.

– Ты отлично говорил, Пол, – сказал Джек, сглатывая застрявший в горле комок. – Когда придет мое время, я хотел бы, чтобы ты сказал несколько слов и обо мне. Договорились?

Ему хотелось, чтобы эти слова прозвучали как можно легче, но Пол не принял шутки. Покачав головой, он крепко обнял отца за плечи и прижал к себе.

– Не льсти себе, па. Когда придет твое время, ни я и никто другой не сможет сказать о тебе ни одного приличного слова, так что живи долго и постарайся исправиться.

– Спасибо, я буду иметь в виду, – с серьезным видом кивнул в ответ Джек. – Может, мне следует оставить теннис, как ты полагаешь?

– Папа!.. – Пол бросил на отца быстрый предостерегающий взгляд. К ним приближалась Аманда. Она шла сквозь толпу, чтобы еще раз поблагодарить всех, кто пришел почтить память ее покойного мужа, и не успел Джек и глазом моргнуть, как он уже оказался с ней лицом к лицу.

Аманда была головокружительно, божественно красива. Несмотря на два с половиной десятилетия, прошедших с тех пор, как она оставила карьеру в кино, Аманда по-прежнему выглядела настоящей кинозвездой. Даже траурный наряд – черное платье, в котором наметанный глаз Джека сразу же узнал штучное творение парижских мастеров, черная шляпка с вуалью и черные шелковые перчатки до локтей – очень шел ей, делая ее элегантной и изящной.

– Здравствуй, Джек, – сказала она негромко. На «ты» они называли друг друга из-за возраста, а также по праву свойства – отнюдь не потому, что были особенно близки. Аманда казалась совершенно спокойной, но в ее огромных голубых глазах было столько сдерживаемой боли, что Джеку стало искренне ее жаль.

– Прими мои искренние соболезнования, Аманда, – ответил он негромко и слегка склонил голову. Пусть они недолгобливали друг друга, однако сейчас ему меньше всего хотелось напоминать ей об этом. Аманде и без того было тяжело – Джек видел это совершенно ясно. К его огромному сожалению, ему было совершенно нечего добавить к сказанному, и он был искренне рад, когда Аманда, машинально кивнув в ответ, прошла дальше. Пол тоже отправился искать Джен, и Джек остался один.

Несколько минут он просто оглядывался по сторонам, но поблизости не оказалось никого из знакомых, и Джек решил про себя, что настал самый подходящий момент, чтобы

незаметно исчезнуть. Приехав на службу и показавшись на глаза Аманде, он исполнил свой долг, и теперь его ничто больше здесь не задерживало.

Полчаса спустя Джек снова был в своем кабинете и занимался делами, однако до самого вечера его не оставляли невеселые мысли об Аманде и двух ее дочерях, потерявших отца и мужа, который объединял их, делал одной семьей. С его смертью семья Кингстон просто перестала существовать. Обе дочери были замужем, и теперь они, несомненно, с каждым днем будут уделять все больше и больше времени своим собственным делам. Что касалось Аманды, то она все больше и больше времени будет проводить одна. Конечно, Джек никогда не любил Мэттью Кингстона, однако теперь он чувствовал, что его пренебрежение и антипатия к Мэттью иссякли. Кроме того, кто-то же должен был пожалеть трех женщин, которых он любил и которых оставил так рано.

Эти мысли снова вернули Джека к мыслям о Дорианне. Джек даже достал из ящика стола ее фотографию, которая хранилась там специально на тот случай, если ему вдруг захочется снова увидеть любимое лицо. Как правило, он избегал подобных опытов – рассматривать снимки ему все еще было больно, но сегодня почему-то захотелось сделать это. И, держа перед собой любительскую фотографию, которую он сам сделал на пляже в Сен-Тропе, Джек почувствовал себя еще более одиноким.

Дважды за вечер к нему в кабинет заглядывала Глэдди, но исчезала, так ничего и не сказав. Она была хорошей секретаршей и чувствовала, что шефу нужно немного побыть одному. По его просьбе Глэдди даже отменила две деловые встречи, на которые Джек вполне мог бы успеть, но просто не захотел поехать.

Так он сидел за столом в своем элегантном строгом костюме и вертел в руках цветную фотографию, на которой было запечатлено незабываемое лицо Дорианны, солнце, кусок золотого пляжа, бирюзово-зеленое море. А в эти самые минуты Аманда в своем особняке в Бель-Эйр говорила о нем с Полом.

– Со стороны твоего отца было очень любезно приехать на службу, – сказала она зятю, когда уехали последние гости. Для всех, и в первую очередь для членов семьи и родственников Мэттью Кингстона, это был очень тяжелый день, и под вечер даже сдержанная Аманда выглядела измученной.

– Он искренне сочувствует вам, – ответил Пол, ласково обняв Аманду за плечи. – Я знаю, отец иногда поступает, гм-м... легкомысленно, но я совершенно уверен, что он искренне разделяет наше горе.

В ответ Аманда кивнула и, повернув голову, посмотрела на своих дочерей. Обе были настолько обессилены, что даже перестали ссориться. Джен и ее сестра Луиза были погодками, однако двух других таких непохожих друг на друга женщин просто невозможно было себе представить. С самого раннего детства они постоянно ссорились и ругались и только теперь заключили между собой временное перемирие, чтобы вместе утешать свою овдовевшую мать.

Пол вышел в кухню, чтобы сварить всем по чашечке кофе, и три женщины остались одни. Конечно, дом был полон официантов, уборщиков и посудомоек, специально приглашенных сегодня в усадьбу, чтобы ухаживать за гостями, приехавшими в Бель-Эйр отдать последний долг Мэттью Кингстону.

– Не могу поверить, что Мэтта больше нет, – сказала Аманда глухим голосом, едва за Полом закрылась дверь. Она по-прежнему стояла у окна и, отвернувшись от дочерей, смотрела невидящим взглядом на ухоженные лужайки сада.

– Я тоже, – отозвалась Джен дрогнувшим голосом, и слезы снова потекли у нее по щекам.

Луиза ограничилась тем, что громко вздохнула. Она любила отца, но ладить с ним ей было трудно. Луиза была старшей, и оттого ей постоянно казалось, что отец относится к ней

требовательнее и строже. Он был в ярости, когда она решила не поступать в юридический колледж и сразу же после школы вышла замуж. К счастью, брак оказался крепким, к тому же через пять лет Луиза уже была матерью троих детей, однако Мэттью продолжал при каждом удобном и неудобном случае выражать ей свое недовольство. Ему казалось, что трое детей – это слишком много и что Луизе следовало сначала подумать о карьере, а уж потом обзаводиться семьей. То, что у младшей Джен не было никакой карьеры вообще, что она даже не задумывалась о профессиональном совершенствовании и что она вышла замуж за человека, представлявшего такую несолидную и малопочтенную разновидность бизнеса, как киноиндустрия, казалось, вовсе его не трогало. Луиза же чувствовала себя обиженной и оттого недолюбливала Пола, который был для нее всего лишь сыном торговца с Родео-драйв. Ее муж Джерри работал в юридической фирме «Лэб и Лэб», где он являлся младшим партнером, и, строго говоря, был гораздо более подходящей партией для девицы, носящей фамилию Кингстон. Так, во всяком случае, считала Луиза.

И пока в церкви Джен плакала по отцу, ее сестра думала только о том, как часто отец бывал к ней несправедлив, как резко критиковал каждый ее самостоятельный шаг, как требовал от нее того, чего она не могла или не хотела ему дать. За свою жизнь – и в детстве, и в зрелом возрасте – она много раз пыталась решить для себя вопрос, любит ли ее отец, но однозначного ответа до сих пор не было. Сказать «да» Луиза не могла, ибо ей сразу же вспоминались все перенесенные обиды и наказания, которые она считала незаслуженными. Сказать «нет» значило признать себя совершенно самостоятельной, независимой, а к этому Луиза тоже была не готова.

Когда в церкви друзья и родственники произносили над гробом Мэттью напыщенные речи, ей очень хотелось встать и сказать все, что она на самом деле думала об отце, но страх перед матерью и сестрой удержал ее. Луиза твердо знала, что ни Джен, ни Аманда не поймут и не поддержат ее. Особенно – Аманда. Она терпеть не могла, когда Луиза критиковала отца, а сейчас он и вовсе стал для нее почти святым...

– Я хочу, чтобы вы всегда помнили: Мэтт был чудесным человеком, – сказала Аманда, как будто подслушав мысли старшей дочери, и Луиза невольно вздрогнула. Джен хотела что-то сказать, но не успела. Отступив от окна, Аманда повернулась к дочерям, и сестры с удивлением увидели, что глаза ее полны слез, подбородок дрожит, а губы от горечи кривятся. Они еще никогда не видели мать в таком состоянии, и теперь им было тяжело на нее смотреть.

Вместе с тем даже сейчас – усталая, опустошенная, страдающая – Аманда была прекрасна. Она всегда была самой красивой из них троих, и Луиза втайне завидовала матери – большим голубым глазам и роскошным светлым волосам, собранным на затылке в тяжелый пучок. Казалось, время щадило ее, и на лице и шее Аманды не было ни одной морщинки. И Джен, и – в особенности – Луизе мать всегда представлялась эталоном женской красоты и обаяния – идеалом, сравняться с которым у них не было ни малейшей надежды. Впрочем, это не мешало Джен нежно любить мать. Что касалось ее сестры, то этот блестящий фасад заслонял от Лу другую, чисто человеческую сторону натуры матери, которой она не видела и не понимала. Она никогда не замечала, насколько Аманда на самом деле легко уязвима, ранима и чувствительна, и даже не догадывалась о том, что ее мать на самом деле всю жизнь ведет непримиримую борьбу с неуверенностью и тревогой, которые денно и ночно преследовали ее по пятам.

Джен, напротив, гораздо лучше понимала именно эту сторону характера Аманды, забывая подчас об ослепительной внешности матери, и это служило еще одной причиной разлада между сестрами. Луиза всегда ревновала сестру и к отцу, и к матери, а Джен это обижало. Она-то не считала себя «любимой дочерью», в чем ее часто обвиняла сестра. Больше того, Джен знала, что именно с Луизой Аманда и Мэттью связывали все свои надежды и потому были к ней особенно требовательны, однако объяснить это сестре не было ника-

кой возможности. Луиза продолжала ревновать и злиться, и только после замужества обеих сестер между ними установилась видимость нормальных отношений.

– Я хочу, чтобы вы знали, как он любил вас обеих, – негромко добавила Аманда и неожиданно всхлипнула. Она никак не могла поверить, что ее муж умер, что он никогда больше не обнимет ее, не прижмет к себе, не скажет ей, как сильно он ее любит. Всю жизнь она боялась, что Мэтт может вдруг уйти от нее, и вот теперь она осталась одна. И Аманде было ничуть не легче от того, что разлучила их смерть, а не другая женщина. Для нее муж был единственным любимым человеком, от которого она зависела и на которого привыкла полагаться, и теперь Аманде было трудно представить себе, как она будет жить без него.

– О, мама, мамочка!.. – Джен вскочила с дивана и, нежно обняв продолжавшую негромко всхлипывать Аманду, стала утешать ее. Смотреть на это Луизе было невыносимо, и она бесшумно вышла из комнаты. В кухне она застала Пола, который сидел за столом и пил кофе.

– Ну, как она? – озабоченно спросил он, и Луиза раздраженно передернула плечами. Ей тоже было больно, но почему-то это никого не интересовало. Детей она отправила домой, Джерри вернулся на работу в контору, и, кроме Пола, Луизе совершенно не с кем было поговорить. Пола она не любила, но никого другого рядом все равно не было.

– Мама в ужасном состоянии. Такой я ее еще никогда не видела, – сказала она, садясь напротив него и наливая себе кофе из стоящего подле кофейника. – В последнее время она зависела от отца на все сто процентов. Он говорил ей, когда вставать и во сколько ложиться, что делать и чего не делать, с кем общаться, а кого не пускать на порог. По-моему, это чудовищно. Я просто не понимаю, как она могла такое допустить! Неудивительно, что теперь она так растерялась...

– Быть может, именно этого она всегда хотела. Разные люди – разные характеры. Один сам ведет кого-то по жизни, другому нужно, чтобы вели его, – заметил Пол, с интересом поглядев на свояченицу. В Луизе всегда было столько горькой иронии и затаенного гнева, что он не раз задумывался, насколько она счастлива со своим мужем. Как и во всех семьях, в семействе Кингстон были свои подводные течения, свои рифы и отмели, лавировать между которыми человеку со стороны бывало подчас очень трудно, и, чтобы правильно ориентироваться, Пол всегда прислушивался к тому, что Джен и Лу говорят о своей матери. Они, разумеется, видели ее по-разному, однако главное заключалось в том, что на самом деле Аманда Кингстон была совсем не такой, какой ее видели посторонние. Для всего мира она была сильной, уверенной в себе, даже чуточку холодноватой женщиной, но дочери знали ее совсем другой. Для них она была робкой, неуверенной, полностью подчиненной мужу женщиной, которой нравилось, когда ей указывали, что надо делать, и принимали за нее все важные решения.

Иногда Полу даже казалось, что в этом-то и заключена главная причина того, что Аманда отказалась от продолжения кинокарьеры. Может быть, размышлял он, дело вовсе не в том, что Мэттью не разрешил ей сниматься. Может быть, она сама боялась возвращаться в реальную жизнь, где надо было принимать решения и самой отвечать за них.

– Ничего... Я думаю, она скоро успокоится, – сказал Пол Луизе. Ничего другого ему просто не приходило в голову. Да и что тут можно было сказать?

Луиза отпила глоток кофе, поморщилась и отодвинула чашку. Подойдя к буфету, она налила себе вина, но пить не стала и только нервно вертела в руках бокал. Пол сразу понял, что видит перед собой еще одну не очень-то счастливую женщину, но, как ее утешить, он не знал.

– Джен о ней позаботится, – добавил он, но эти слова, казалось, разозлили Луизу еще больше.

– Разумеется, позаботится! Да она от нее теперь ни на шаг не отойдет! – Луиза так резко опустила бокал на стол, что Пол невольно вздрогнул. – Джен всегда обожала лизаться со своей любимой мамочкой! Удивляюсь, как она до сих пор не предложила тебе переехать сюда, тогда бы они могли видеться друг с другом каждый день. Да и мама была бы счастлива. Если вы поселитесь здесь, ей не придется заботиться о доме. Джен была бы только рада взвалить это на себя.

– Послушай, Лу, возьми себя в руки! – воскликнул Пол, назвав свояченицу именем, которым называла сестру Джен, но Луиза смерила его таким взглядом, что ему стало не по себе. В это мгновение она была удивительно похожа на свою мать. И на отца тоже, но это сходство было сходством характеров, а не внешности. Из двух сестер именно Джен унаследовала красоту матери и аристократическое благородство Мэттью. – По-моему, ты зря кипятишься, – добавил Пол. – Поверь, никто не хочет обидеть тебя или причинить тебе боль.

– Черта с два! – воскликнула Луиза и, залпом осушив бокал вина, тут же налила себе еще. – Да они всю свою жизнь только тем и занимались, что старались унижить меня. Быть может, теперь, когда отец умер, Аманда сумеет стать нормальным, зрелым человеком. И она, и все мы...

И, не дав Полу ответить, Луиза вышла, громко хлопнув дверью, а Пол остался сидеть за столом над чашкой остывшего кофе.

Джен увидела Луизу в окно кабинета.

– Лу снова злится на меня, – вздохнула она, провожая взглядом сестру, которая медленно шла по дорожке с бокалом вина в руке. – Она все время на меня за что-нибудь злится.

– Как бы мне хотелось, чтобы вы перестали ссориться друг с другом, – печально ответила Аманда. – Я надеялась, что, когда вы вырастаете, все будет по-другому. Я думала, вы подружитесь, особенно после того, как выйдете замуж и у вас будут свои дети...

Она действительно надеялась на это еще с тех пор, когда ее девочки были детьми. Никакого другого будущего Аманда для них не желала, но Джен, услышав ее слова, погрузилась еще больше.

– Ты же знаешь, мама, я... Я не...

– Что?! – На лице Аманды отразилась такая тревога, что сердце Джен болезненно сжалось.

– У меня нет детей, – тихо ответила она, но в ее голосе прозвучала такая грусть, что Аманда насторожилась.

– Ты не хочешь иметь детей?! – осторожно спросила она. Ее дочь не хочет детей? Если это так, это же настоящее предательство!

Другого слова она подобрать просто не могла.

– Дело не в этом... – Джен снова посмотрела в сад, на сестру, которая уселась на скамейку перед клумбой с мелкими желтыми розами и поднесла к губам бокал с вином. У Луизы было трое детей, которых она родила одного за другим в первые пять лет брака. Она сама так хотела и, выйдя замуж, осуществила свою мечту. Теперь у нее было два сына и дочь, и Джен оставалось только завидовать сестре. Зачатие, беременность, роды – все далось Луизе просто и естественно, а у Джен с Полом, увы, ничего не получалось...

– Разумеется, я хочу детей, – сказала Джен. – Но... Мы очень стараемся, но ничего пока не случилось. А ведь прошел уже почти целый год, как мы отказались от контрацепции.

– Это ничего не значит. – Аманда невольно улыбнулась. – Подчас на это требуется время. Будь терпеливой. Во всяком случае, отчаиваться еще рано.

– Почему-то вам с папой никакого времени не потребовалось, – упрямо возразила Джен. – Лу родилась ровно через десять месяцев после того, как вы поженились. А еще через год родилась я.

Она тяжело вздохнула, и Аманда ласково погладила дочь по голове. У Джен было такое выражение лица, что у Аманды буквально сжалось сердце. В глазах Джен отразились не только досада или сожаление; в них были горечь и разочарование, и Аманде снова захотелось заплакать, на этот раз – от бессилия.

– Я хочу, чтобы Пол сходил со мной к врачу, а он не хочет. Он считает, что я напрасно беспокоюсь и что все образуется само собой.

– А сама-то ты была у врача? – осторожно поинтересовалась Аманда. – Что он сказал?

– Мой доктор не нашел никаких отклонений, но он считает, что, раз у нас ничего не получается, значит, я должна подвергнуться более серьезному обследованию. И я, и Пол тоже. Доктор дал мне адрес одного известного специалиста в этой области, но Пол ужасно разозлился, когда я ему сказала... Он был просто вне себя и заявил, что раз дети есть у его сестры и у Лу, значит, и мне нечего беспокоиться. Но ведь все это не так просто... во всяком случае – не всегда.

Джен говорила что-то еще, а Аманда неожиданно задумалась, не могло ли здесь быть чего-то такого, о чем она забыла или не знала. Быть может, когда Джен была маленькой, она проглядела у нее какую-нибудь скрытую патологию или пропустила болезнь, которая могла бы повлиять на ее возможность иметь детей. А может, Джен втайне от нее сделала аборт и вот теперь... Спросить об этом у дочери Аманда не решилась. Все равно помочь она ничем не могла, так что самым разумным было оставить проблему врачам.

– А тебе не кажется, что в словах Пола есть здравый смысл? – спросила она мягко. – Может, тебе стоит прислушаться к ним и перестать волноваться? Мне кажется, что ничего страшного пока не случилось. Во всяком случае, время у вас есть.

– Но я ни о чем другом просто не могу думать! – призналась Джен, и на глазах у нее снова показались слезы. Они стекали по щекам на подбородок и капали на платье, и Аманда почувствовала, что еще немного, и она тоже расплачется. Ей было отчаянно жаль Джен, но она не знала, как ей помочь, что посоветовать.

– Мне так хочется ребенка, – всхлипнула Джен. – Я хочу, и Пол тоже хочет, но ничего не получается. Я боюсь... боюсь, что не смогу родить. Никогда!..

– Что за глупости, Джен! – воскликнула Аманда. – Ты все сможешь – и зачать, и выносить, и родить. В крайнем случае... в самом крайнем случае вы всегда сможете усыновить ребенка, но я совершенно уверена, что до этого дело не дойдет.

Ей было тяжело думать о том, что ее дочь несчастна. Она только что потеряла отца, а тут еще оказалось, что у нее есть и другие проблемы.

Джен снова всхлипнула:

– Мы говорили об этом с Полом, но он сказал, что никогда на это не пойдет. Он сказал, что хочет воспитывать своих собственных сыновей и что дети чужого дяди ему не нужны.

– Вот как?! – Аманда собиралась сказать, что Пол не только эгоист, но еще и глупец, но вовремя сдержалась. – Я думаю, Джен, он так сказал, потому что верит в тебя, – заявила она решительно. – Этим он хотел сказать тебе, чтобы ты не отчаивалась и что у вас все получится. Ну а если нет, то... Вот увидишь, если лет через двадцать у вас так ничего и не выйдет, он первым предложит тебе взять из приюта какого-нибудь симпатичного мальчика или девочку. Ну а пока... пока я тоже советую тебе не переживать. Вот увидишь, все будет в порядке. Лично я готова спорить на что угодно!

Джен в ответ торопливо кивнула, но Аманда видела, что ей не удалось успокоить дочь. На протяжении целого года она была обеспокоена своей неспособностью зачать, и теперь ее тревога на глазах превращалась в панику. Аманда запоздало корила себя за то, что не обратила на это внимания раньше. Слава богу, Джен наконец-то доверилась ей!

– А ты, мам? Как ты будешь жить одна?.. – спросила Джен.

Это была очень болезненная тема, и Аманда почувствовала, что глаза ее наполняются слезами, а в горле встает комок.

– Не знаю. – Она покачала головой и, не в силах сдерживаться, заплакала снова. – Мэтт был единственным человеком, которого я по-настоящему любила, и вот теперь он ушел... Я твердо знаю только одно, Джен: в моей жизни никогда больше не будет другого мужчины. Никогда. Мы с твоим отцом были женаты двадцать шесть лет – это больше половины того срока, что я прожила на свете, и теперь я просто не представляю, как быть дальше. Ведь моя-то жизнь еще не закончилась! Как я буду просыпаться каждое утро, как буду ложиться спать... Одна... Мне кажется, что я этого не выдержу! Что мне делать, Джен?!

Джен прижала мать к себе и молчала, давая ей выплакаться. Джен очень хотелось сказать матери, что со временем ей станет легче, но она не могла. Джен тоже не представляла себе, как ее мать сможет жить без мужа. Он был и фундаментом, и раствором, скреплявшим собой кирпичики их семейного здания. Он заслонял собой Аманду от внешнего, не всегда доброжелательного мира, подсказывал ей, что и как лучше сделать, и, несмотря на то что он был старше своей жены всего на семь лет, был для Аманды не только мужем, но и в каком-то смысле отцом. «Я не могу без него жить», – сказала Аманда, и Джен знала, что это вовсе не преувеличение.

Когда Аманда успокоилась и перестала плакать, Джен помогла ей привести себя в порядок. Они сидели рядышком на диване и вспоминали Мэттью, когда дверь кабинета открылась и вошел Пол.

Он сказал, что Луиза уехала домой, что она сама была очень расстроена и решила не прощаться, чтобы не расстраивать мать и сестру еще больше. Потом Пол намекнул Джен, что им тоже пора ехать, так как его еще ждет дома работа.

Джен не хотелось оставлять мать в таком состоянии, но было уже поздно, и она знала, что рано или поздно им все равно придется уехать. А может, так было даже лучше. Аманда должна была привыкать к тому, что отныне ей придется решать большинство проблем самой.

В присутствии зятя Аманда старалась держаться, но прощание все равно вышло долгим и мучительным. Когда Джен и Пол уезжали, она вышла проводить их, но в ее высокой и тонкой фигуре, по-прежнему затянутой в траурное черное платье, было что-то до того трогательное и жалкое, что Джен разрыдалась, едва только их машина выехала за ворота.

– Боже мой, Пол! Она же просто погибнет без папы!.. – безутешно всхлипывала Джен, вспоминая отца, которого она никогда больше не увидит; мать, которая осталась одна в пустом и холодном доме; сестру, которая ее ненавидела; и даже ребенка, своего будущего ребенка, который, как она боялась, никогда не родится. Пол взял ее за руку.

– Вот увидишь, пройдет совсем немного времени, и Аманда придет в себя, – сказал он. – Все будет нормально. Ведь твоя мать еще молода, да и выглядит так, что ей могут позавидовать многие двадцатилетние девчонки. Да через полгода половина мужчин Лос-Анджелеса будет распевать серенады у нее под балконом и умолять о свидании! Может быть, она даже решит вернуться в кино, – в конце концов, наша Аманда не какой-нибудь новичок, которому надо начинать с чистого листа. У нее есть опыт и репутация звезды, а в киномире это значит очень много.

– Она никогда не вернется в кино, даже если бы хотела, – срывающимся голосом возразила Джен. – Папа всегда был против того, чтобы мама снималась в кино, и она не нарушит его воли даже теперь, когда он... когда его нет. Он хотел, чтобы мама принадлежала ему одному, и она пошла на это, потому что любила его.

«Если это правда, – подумал Пол, – то Мэттью Кингстон был самым большим эгоистом на свете». Вслух он, однако, этого не сказал, потому что знал – Джен приедет его на месте. Она и так была на взводе.

– И потом, – продолжала Джен, пылая праведным гневом, – как у тебя только язык повернулся сказать, что мама начнет с кем-то встречаться?! Это... это отвратительно!

– В этом нет ничего отвратительного, подлого или бесчестного, – твердо возразил Пол. – Это жизнь, реальная жизнь. Подумай сама, Джен: Аманде – пятьдесят. Всего пятьдесят! Да, твой отец умер, но ведь она-то жива! Неужели тебе хочется, чтобы твоя мать оставалась одна до конца своих дней? Господи, у нее впереди еще целая жизнь, ведь кто знает свой срок? Разве ты хочешь, чтобы твоя мать похоронила себя заживо?

Он сказал это с легкой улыбкой, которая взбесила Джен еще больше, чем сами слова.

– Жить – это не значит встречаться с кем попало. Моя мать, Пол, это не твой отец, и, пожалуйста, не надо их сравнивать. Мама вышла замуж за папу по любви, они прожили вместе двадцать пять лет и были счастливы.

– Тогда, – заупрямился Пол, – она скорее всего снова захочет выйти замуж, чтобы прожить счастливо те два или три десятка лет, которые ей предстоит прожить. С ее стороны было бы просто преступлением запереться в четырех стенах.

– Я просто не верю, что это говоришь ты! – задыхаясь от ярости, проговорила Джен и вырвала у него руку. – Ты что, действительно считаешь, что моя мать будет встречаться с мужчинами после... после того, как... Да ты просто больной! Псих!! Извращенец!!! У тебя нет ни малейшего понятия о порядочности, никакого уважения к памяти моего отца! Кроме того, ты просто не знаешь мою мать.

– Возможно, я действительно ее не знаю, – миролюбиво согласился Пол. – Зато я знаю людей.

Но Джен, сердито отвернувшись от него, стала смотреть в окно. Слова Пола оскорбили ее до глубины души, и весь остаток пути до дома они больше не разговаривали. Джен готова была присягнуть на Библии... нет, на стопке из десяти Библий, что Аманда останется верна памяти Мэттью до конца своих дней.

Глава 2

В июне, через полгода после смерти Мэтта, Джен и Луиза поехали с Амандой в Санта-Барбару. Пол был в Нью-Йорке, где ему предстояли важные переговоры о съемках нового фильма, а муж Луизы Джерри находился в Денвере на ежегодной конференции юристов. Таким образом это была идеальная возможность провести несколько дней втроем, однако не успели они разместиться в отеле, как сестры поняли, что их мать еще не оправилась от постигшего ее горя. Она продолжала носить только черные или закрытые серые платья, прикрывала волосы шляпкой или косынкой и совсем не пользовалась косметикой. Каждый раз, когда Джен или Луиза спрашивали, как она себя чувствует, Аманда начинала плакать, и встревоженные столь бурной реакцией сестры даже заключили временное перемирие, стараясь сделать хоть что-то, чтобы матери стало лучше, но никакого особенного успеха не достигли. С каждым днем Аманда все больше погружалась в пучину отчаяния, а ее безразличие к окружающему было пугающим.

Ранним воскресным утром, пока Аманда еще спала, сестры спустились в ресторан отеля, чтобы позавтракать и обсудить создавшееся положение.

– По-моему, у мамы настоящая депрессия, – заявила Луиза, жуя ломтик черничного кекса. – Ее надо уговорить сходить к врачу. Может быть, он пропишет ей курс прозака или валиума. Ей бы стоило показаться психоаналитику. Говорят, они делают настоящие чудеса – только нужен хороший аналитик, а не шарлатан.

Джен в ответ только покачала головой:

– Боюсь, это не принесет маме никакой пользы. Я считаю, что ей нужно чаще выходить и встречаться с подругами. На прошлой неделе я случайно встретила миссис Оберман, и она сказала, что не видела маму с того самого дня, как умер отец. А ведь с тех пор прошло уже почти полгода. Не может же мама просто сидеть у себя в доме и плакать. Нам необходимо придумать ей занятие, которое отвлечло бы маму от...

– А ты не подумала о том, что маме, возможно, вовсе не нужно, чтобы что-то отвлекало ее от этих мыслей и переживаний? – ответила Луиза, глядя прямо в глаза сестре и в который уже раз гадая, есть ли у них что-то общее, или они совсем разные люди. – Ты же знаешь, что отец наверняка хотел бы именно этого – чтобы мама сидела в четырех стенах и плакала. Я просто уверена, что, если бы он был заранее осведомлен о дне и часе своей смерти, он оставил бы на этот счет специальное распоряжение. Или завещал бы похоронить маму вместе с собой.

– Прекрати сейчас же говорить гадости о папе! – вспыхнула Джен. – Ты не хуже меня знаешь, что он хотел видеть маму счастливой и терпеть не мог, когда ее что-то огорчало.

– Или, иными словами, он терпеть не мог, когда у мамы появлялась своя собственная жизнь. Он хотел только одного: чтобы Аманда растила нас, следила за нашими успехами в школе, в балетном классе или играла в бридж с женами его деловых партнеров. Я уверена, что подсознательно отец очень хотел, чтобы, когда он умрет, мама была бы несчастна. И, надо сказать, он своего добился. В общем, ей просто необходимо срочно показаться психоаналитику, иначе я просто не знаю, что будет, – закончила Луиза резко.

– Почему бы нам не устроить ей что-то вроде каникул и не свозить ее куда-нибудь на курорт? Перемена обстановки может подействовать на нее так же, как и сеансы психоанализа, – предложила Джен, которой ничего не стоило уйти из галереи, где она работала, но Луиза не могла себе представить, на кого она оставит детей.

– Может, лучше в сентябре, когда они снова пойдут в школу? – спросила она. – Тогда мы могли бы свозить маму в Париж, в Рим, в Венецию...

– Хорошо, – сразу согласилась Джен, которой было, в общем, все равно, но, когда они предложили Аманде этот вариант, она только покачала головой.

– Я не могу уехать сейчас, – твердо сказала она. – Мне нужно еще многое сделать... Вы же знаете, что незадолго до смерти Мэтт задумал привести в порядок наш особняк, но не успел... Я должна довести это дело до конца – хотя бы для того, чтобы оно не тяготило меня. Кроме того, через месяц надо будет официально оформлять все бумаги на наследство. Короче, сейчас ни о какой поездке не может быть и речи.

Но все трое знали, что это обычная отговорка. Аманда упорно не хотела возвращаться в мир, потому что в нем не было Мэтта.

– Пусть этим займутся юристы, мама, – предложила практичная Луиза. – Такие вещи лучше делать через адвокатскую контору. Собственно говоря, иного способа просто не существует, а от того, будешь ты в это время в Лос-Анджелесе или в Париже, ровным счетом ничего не изменится. А уехать тебе будет только полезно. Ты отдохнешь, наберешься сил...

Аманда на некоторое время задумалась, потом снова покачала головой, и на глазах у нее показались слезы.

– Я не хочу никуда ехать, не хочу отдыхать, – сказала она откровенно. – Я буду чувствовать себя виноватой перед ним...

– Виноватой? Да в чем ты можешь быть виновата? В том, что потратишь немного денег? Но ведь Мэтт зарабатывал их для тебя, а не ради собственного удовольствия. К тому же путешествие в Париж обойдется не так уж дорого, и ты вполне можешь себе это позволить...

На самом деле Аманда могла позволить себе не одно, а десять путешествий, и не в Париж, а вокруг всего света – дело тут было не в деньгах. Дело было в том, что она просто не хотела никуда ехать.

– Я... Мне кажется, что я не имею права ехать куда-нибудь без него. Мы всегда и везде ездили вместе, а теперь... Развлекаться, жить в свое удовольствие, когда его нет рядом, – это не для меня. Это будет... эгоистично и нечестно по отношению к нему, к его памяти!

Тут Аманда снова заплакала, но дочери продолжали внимательно смотреть на нее, словно ожидая, что она еще скажет.

– Почему... Почему судьба так несправедливо обошлась со мной? – всхлипнула Аманда. – Почему он умер, а я нет? Это несправедливо, несправедливо!..

Аманда даже ногой топнула, а Луиза и Джен переглянулись в тревоге. Мать впервые говорила с ними о том, что она на самом деле чувствовала. Это был комплекс вины, который часто поражает пережившего супруга или родителей, потерявших своих детей. С этим мало что можно было поделать, однако и Джен, и Луиза хорошо знали, чем чревато подобное состояние.

– Так уж получилось, мам, – негромко сказала Джен. – Так вышло, и ничего тут не поделаешь. В этом никто не виноват – ни ты, ни он, и никакой другой человек. Раз уж судьба так распорядилась, тебе нужно смириться и жить дальше. Жить для себя... для нас, для внуков. Подумай об этом, мама. Если не хочешь в Париж, давай съездим на пару недель в Нью-Йорк, в Майами, в Сан-Франциско, наконец... Куда угодно, лишь бы не сидеть на одном месте. Вот увидишь, ты вернешься совсем другим человеком! Я уверена, что папа сказал бы тебе то же самое, если бы мог. Нельзя отказываться от жизни, пока живешь, – это неправильно.

Но Аманда ничего не сказала и только покачала головой. Сестры еще несколько раз пытались поговорить с ней на эту же тему, но у них так ничего и не вышло. Аманда была еще не готова к тому, чтобы вернуться к нормальной жизни. Скорбь ее оставалась слишком глубока, а рана слишком свежа, чтобы она могла думать о чем-то, кроме своей потери. Мысль о том, чтобы по-прежнему находить в жизни удовольствие, казалась ей кошмарной.

С тем они и вернулись в Лос-Анджелес.

– Как мама? – спросил Пол, прилетевший из Нью-Йорка вечером того же дня. – Как у нее дела? Лучше?

– Хуже, – печально ответила Джен, которая встретила мужа в аэропорту, чтобы отвезти домой. – Откровенно говоря, она совсем расклеилась. Луиза считает, что ей нужно начать принимать прозак, а я... я просто не знаю. У меня такое ощущение, что она твердо решила как можно скорее отправиться вслед за папой.

– Не исключено, что именно этого он и хотел бы, – заметил Пол. – И Аманда это знает.

Они с Джен уже несколько раз ссорились из-за этого, однако Пол продолжал держаться мнения, что Мэттью Кингстон был слишком эгоистичен. И Джен, хотя и не признавала этого открыто, начинала понемногу склоняться к мысли, что влияние ее отца на Аманду было, пожалуй, слишком велико.

– Ты говоришь совсем как моя сестра, – все же огрызнулась она. – Знаешь, я хочу спросить тебя кое о чем...

Она на мгновение отвлеклась от дороги, чтобы посмотреть на него, и Пол улыбнулся в ответ. За время своего пребывания в Нью-Йорке он успел соскучиться по жене и был искренне рад видеть ее.

– Спрашивай, – кивнул он. – Впрочем, я, кажется, уже догадался... Ты хочешь, чтобы я свел Аманду с моим отцом? Нет проблем, дорогая, я все устрою. Джек не будет против, вот увидишь!

Это была настолько дикая идея, что Джен даже не рассердилась. Губы ее дрогнули в улыбке, но взгляд остался серьезным, и Пол понял, что она хочет спросить его о чем-то действительно важном.

– Откровенно говоря, – начала Джен, тщательно подбирая слова, – у меня на уме было кое-что другое...

Она ненадолго замолчала, словно в нерешительности. Джен действительно не знала, как сказать мужу о том, что она задумала, однако ей очень хотелось знать его мнение.

– Выкладывай, Джен, что там у тебя.

– Я хочу, чтобы мы с тобой вместе сходили к врачу, к самому лучшему специалисту... В последний раз мы с тобой говорили об этом полгода назад, но за это время... ничего так и не произошло. Я очень волнуюсь, Пол...

В глазах ее появилось умоляющее выражение, но Пол только раздраженно дернул плечом.

– Опять ты за свое! – в сердцах воскликнул он. – Ну почему ты никак не можешь успокоиться и взглянуть на вещи здраво? Я же сказал тебе, что все будет в порядке. В последние полгода я работал над самым большим контрактом в моей жизни, а для тебя, похоже, все это не имеет значения, ты только и думаешь что о ребенке. Да в том, что, как ты выражаешься, «ничего не случилось», нет ничего странного. Меня и дома-то почти не было – я то сидел в Нью-Йорке, то мотался по всей стране. Как после этого ты можешь утверждать, что у нас есть какие-то проблемы? Это звучит по меньшей мере глупо!

Джен нахмурилась. Она поняла, что он просто не хочет никуда с ней идти, очевидно, не сомневаясь, что с ним-то все в порядке. Каждый раз, когда она заводила разговор на эту тему, Пол изобретал все новые и новые причины и предлоги, чтобы отложить решение этого вопроса на будущее. Но ведь они действительно старались, старались изо всех сил, и Пол, кажется, начинал понимать, что что-то неладно, хотя открыто признаться в этом ему еще не хватало мужества.

– Я просто хочу знать, в чем дело, – решительно заявила Джен. – Я должна быть уверена, что с нами... со мной все в порядке. Если же я больна, то пусть врач скажет мне, что это за болезнь, чтобы я могла начать лечиться. Вот и все, чего я прошу, Пол! Разве это так много?

Ее глаза наполнились слезами, и Пол вздохнул.

– Тогда почему ты до сих пор не обратилась к врачу? – спросил он. – Сходи в клинику – пусть у тебя возьмут все анализы и назначат комплексное обследование. Но, уверяю тебя, Джен: прежде чем эта бодяга закончится, ты успеешь забеременеть.

Увы, Джен больше так не думала. Они впервые задумались о ребенке полтора года назад, но за это время так ничего и не произошло. Даже гинеколог, к которому Джен постоянно ходила, начал тревожиться и несколько раз заводил разговор о более тщательном обследовании. Пол пока не знал, что примерно месяц назад она наконец-то отважилась обратиться к крупному специалисту по женским болезням. Джен сдала все анализы и даже два дня лежала в клинике, пока ей проводили какой-то сложный гормональный тест, однако это исследование так и не выявило никакой патологии. Джен была здорова, а значит, на этот раз Пол обязательно должен был пойти с ней.

– Если я схожу к врачу и он не найдет у меня никаких проблем, ты пойдешь?

– Может быть... Посмотрим, – ответил Пол и поспешно включил радио – чуть громче, чем было необходимо. Это был его обычный ответ, и Джен догадалась, что он и не собирается. Значит, все безнадежно, подумала она. У нее не будет никакого ребенка, пока Пол не изменит своего отношения к этому вопросу.

К августу она прошла еще одно столь же серьезное исследование у другого врача, который, не найдя никаких отклонений, сказал ей, что все дело либо в несовместимости ее яйцеклеток со сперматозоидами мужа, либо в самом Поле. Но когда Джен попыталась поговорить с ним, он пришел в ярость. Он заявил ей, что с ним все в порядке и что он не потерпит, чтобы Джен на него «давила». Для него это было не самое легкое время: подписание контракта на съемку фильма, на который Пол возлагал такие большие надежды, все откладывалось и откладывалось, и он как угорелый носился со студии на студию, однако, по мнению Джен, это не давало ему права кричать на нее. Пол в ответ заявил, что от секса по ее дурацкому расписанию его уже тошнит, и они крупно поссорились.

Правда, примирение произошло довольно быстро, однако Джен уже поняла, что ее спокойной жизни пришел конец. И действительно, когда через две недели она обнаружила, что никакой беременности у нее нет, с ней случилась самая настоящая истерика.

– Слушай, забудь на время о своей навязчивой идее, ладно? – кричал Пол как-то вечером, когда Джен хотела заняться любовью только потому, что день был максимально благоприятным для зачатия. В ответ на ее упреки он, громко хлопнув дверью, выскочил из дома и уехал к отцу, где основательно напился.

У Джека как раз в это время появилась новая любовница – актриса, о которой критики дружно заговорили примерно месяц назад, и их фотографии появлялись в газетах чуть ли не ежедневно. Джек по-прежнему мечтал, чтобы сын стал его партнером в торговом бизнесе, но Пол об этом и слышать не хотел. Его бесило, что все от него чего-то хотят, и в результате он чуть не поругался и с отцом.

Аманда по-прежнему пребывала в депрессии. В сентябре Джен и Луиза снова попытались уговорить мать отправиться в путешествие, но все было напрасно – Аманда наотрез отказалась куда-либо уезжать и развлекаться. Между тем ее состояние внушало сестрам серьезные опасения. За лето Аманда потеряла почти четырнадцать фунтов и выглядела изможденной, но ее это как будто вовсе не волновало. Она думала и говорила только о своем покойном муже. Даже на дочерей Аманда почти не обращала внимания, словно душой она уже отправилась в тот мир, где ждал ее Мэттью.

И в конце года она пребывала все в том же состоянии, и сестры по-настоящему заволновались.

– Нужно срочно что-то делать, – сказала однажды Джен в телефонном разговоре с Луизой, состоявшемся недели через две после Дня благодарения. Сам праздник прошел просто ужасно. За столом Аманда не съела ни кусочка и все время плакала. Даже дети Луизы, кото-

рых по случаю праздника привезли в особняк в Бель-Эйр, смотрели на бабушку с испугом и ни за что не хотели ее целовать, когда настала пора прощания.

– Я больше не могу этого выносить, Лу. Это какой-то кошмар! – сказала Джен с отчаянием в голосе.

– А может, нам просто оставить ее в покое? – бесстрастным голосом предложила Луиза. – Раз она хочет весь остаток жизни проливать слезы по папочке, почему мы должны ей мешать? Кто мы, в конце концов, такие, чтобы решать, что для нее лучше, а что хуже?

– Мы ее дети, – напомнила Джен сердито. – Лично я не собираюсь спокойно смотреть, как мама медленно убивает себя. Ты сама видела, какой она стала – в гроб краше кладут! Нет, я считаю, что она должна взять себя в руки. Надо ее как-то уговорить...

– Вот ты и придумывай, как ее уговорить. Меня она все равно не станет слушать. Ты ходила у нее в любимицах, так что к тебе она, может быть, и прислушается. И все равно я считаю, что наша мать имеет право сама решать, как ей жить, так что на твоём месте я не стала бы подмешивать ей таблетки в томатный сок. Так ты ничего не добьешься.

– Послушай, Лу, разве ты не видишь, мама уже стоит одной ногой в могиле! – возмутилась Джен. – Неужели тебе все равно, что с ней будет? Это же очевидно – она сдалась, сломалась. Да, мама жива, но у меня такое ощущение, что она умерла вместе с папой.

– Лучше бы она умерла вместе с папой, – зло бросила Луиза и надолго замолчала. – Я не знаю, что тебе сказать, Джен, – выдавила она наконец. – В конце концов, наша мать взрослая женщина, а я не психиатр. И, откровенно говоря, меня начинает мутить, когда я вижу, как она жалеет себя. Ведь она плачет не по отцу, а по своей загубленной жизни. Мне не хочется ни видеть, ни слышать ее, пока она такая, а другой она, наверное, уже не может быть. Ей нравится та роль – жалкая роль, надо сказать, – которую она сейчас играет. Неужели ты сама не видишь, что наша мать считает себя виноватой в том, что отец умер, а она – нет. И она наслаждается этим! По-моему, это просто омерзительно, но мешать ей я не собираюсь. Быть может, она по-своему счастлива.

– И все равно я не допущу, чтобы мама свела себя в могилу, – упрямо повторила Джен.

– Ты все равно не сможешь заставить ее снова повернуться лицом к жизни, потому что жизнь – это удовольствие, которое ей больше не с кем разделить. Она должна сама захотеть этого, но вряд ли это случится. Пойми это наконец! Впервые за последние двадцать пять лет наша мать получила возможность самой выбирать тот образ жизни, который ей больше по вкусу. Разве это само по себе не счастье? Ну что делать, если рядом с ней больше нет Мэтта, который все решал за нее и указывал, что делать, а что – нет.

– Ты говоришь так, как будто он был настоящим чудовищем, – заметила Джен, которой больно резануло слух, когда Луиза назвала отца по имени.

– Он и был им. По крайней мере в отношении матери и меня, – отрезала Луиза.

И, как всегда, сестры так и не смогли ни до чего договориться. Слава богу, в этот раз они сумели не поссориться, и Джен, повесив трубку, подумала, что в словах Луизы был свой резон. И все-таки она не могла смириться с тем, что никакой надежды нет. Больше того, Джен была совершенно уверена, что сумела бы что-нибудь придумать, если бы собственные проблемы не отнимали у нее столько сил.

Примерно за две недели до Рождества Джен и Пол получили от Джека приглашение на праздничную вечеринку.

«У Джулии». Джен совсем не хотелось идти, тем более что их с Полом отношения оставались довольно напряженными. Он упорно отказывался идти к врачу и даже дважды порвал прилежно вычерченный ею график «перспективных» дней. Кроме того, Джен была слишком обеспокоена состоянием матери, однако Пол заявил, что, если они не придут, Джек ужасно обидится.

– Почему бы тебе не поехать туда одному? – спросила Джен утром того дня, на который была назначена вечеринка. Она была совсем не в том настроении, чтобы развлекаться, к тому же ей немного нездоровилось. – Я обещала маме, что заеду к ней во второй половине дня, – добавила она на всякий случай. – Неизвестно, сколько мне придется там пробыть – мама чувствует себя все хуже и хуже, и я не могу просто так бросить ее и отправиться развлекаться.

Аманда действительно все ощутимее сползала в какую-то бездонную яму. Физически она была вполне здорова – только похудела еще больше, однако ее духовный мир предельно сузился. Из всех эмоций и чувств Аманда способна была испытывать одну лишь скорбь – глубокую и безысходную. Смотреть на нее Джен было мучительно больно, но как это изменить, она так и не придумала.

– Почему бы нам не взять Аманду с собой? – небрежным тоном предложил Пол, и Джен посмотрела на него с крайним раздражением.

– Ты что – никогда не слушаешь, что я тебе говорю? – спросила она. – Я уже целый год твержу, что мама никуда не выходит, что она подавлена, расстроена, что она похудела как... как... Как я не знаю кто! Целыми днями она сидит в гостиной или в кабинете и ждет смерти, а ты предлагаешь вытащить ее на вечеринку! Да еще на такую, какие бывают у твоего отца. Мама и раньше не танцевала, а теперь и подавно. Ты просто спятил, Пол!

– Но, может быть, именно это ей и надо, – огрызнулся Пол, торопливо собирая в папку бумаги, – он как раз собирался на работу. – По крайней мере спросить-то у нее ты можешь? Или нет?

Джен захотелось швырнуть в него чем-нибудь тяжелым. Он не понимал – не хотел понимать, – насколько серьезным было состояние Аманды.

– Ты не знаешь мою маму, Пол!

– Просто спроси ее, Джен, а уж там пусть она сама решает.

– Скорее она разденется догола и пробежит из конца в конец по улицам Бель-Эйр, чем пойдет на эту вечеринку.

– Это, по крайней мере, доставит удовольствие соседям, – хмыкнул Пол.

Несмотря на угнетенное состояние и пугающую худобу, Аманда Кингстон все еще оставалась очень привлекательной женщиной. Пол даже хотел попытать счастья и пригласить ее сыграть главную роль в своем следующем фильме, но боялся, что тогда Джен вовсе смешает его с грязью. Пол заранее представлял, как она округлит глаза, наберет в грудь воздуха и пойдет, и пойдет...

– Хотя бы передай ей, что мой отец был бы очень рад, если бы она пришла. Появление твоей матери придаст его салону респектабельности, – сказал он, целуя Джен на прощание.

Но Джен не ответила на его поцелуй. Она злилась на Пола за то, что он упорно не хотел показаться врачу и проконсультироваться с ним насчет причины, почему их брак, столь благополучный во всех отношениях, оставался бесплодным. Мысль о том, что у них, возможно, никогда не будет детей, приходила к Джен все чаще и чаще, хотя она изо всех сил сопротивлялась ей. Как и Аманда, Джен большую часть времени пребывала в подавленном настроении – просто ей удавалось не показывать этого. На самом же деле временами ей бывало очень плохо – так плохо, что она впадала в самое настоящее отчаяние.

Когда после обеда Джен приехала к матери, у нее чуть сердце не разорвалось от жалости. Аманда выглядела ужасно. Казалось, ей больше не для чего жить, и – самое главное – она действительно чувствовала себя так, словно ее жизнь кончена. Ничто ее не интересовало, ничто не трогало. Напрасно Джен упрашивала, умоляла, соблазняла и даже грозила. В ответ на ее слова, что если она не возьмет себя в руки, то они с Луизой переедут к ней и начнут насильно кормить ее и выводить на прогулки, Аманда только устало вздохнула.

– У вас, девочки, должны быть другие дела. Незачем вам тратить свое время на то, чтобы ухаживать за старухой, – сказала она. – Кстати, как там новый фильм Пола?

Каждый раз, когда речь заходила о ней, Аманда старалась перевести разговор на другое, однако сегодня Джен была не расположена беседовать ни о Поле, ни о чем-либо еще. Но, что бы она ни говорила, как бы ни убеждала мать в том, что дальше так продолжаться не может, Аманда только качала головой, и в конце концов Джен основательно разозлилась. Она так и заявила матери, чувствуя, что еще немного, и она попросту взорвется.

– Знаешь, мама, иногда мне просто хочется разбить что-нибудь о твою глупую голову, – сказала она в сердцах. – Посуди сама: у тебя есть все для счастливой и спокойной жизни: деньги, отличный дом, дочери, которые тебя любят... А ты, вместо того чтобы радоваться, только сидишь и льешь слезы, жалея себя и папу. Можешь ты хоть раз подумать не о себе, а о ком-нибудь другом? Неужели ты ни капельки не любишь нас? Неужели тебе все равно, что мы из-за тебя с ума сходим? Я, например, уже давно не могу думать ни о чем другом, кроме того, что ты находишься на грани и сама загоняешь себя в могилу. Об этом и еще о том, что у меня, наверное, никогда не будет детей...

Тут она неожиданно разрыдалась, да так горько, что Аманда, позабыв о своих несчастьях, бросилась к дочери и заключила ее в объятия. Одно это искупало ту боль и беспокойство, которые она причинила дочерям, и Джен с благодарностью прижалась к матери. Через некоторое время они плакали уже обе.

– Прости меня, Джен, – прошептала Аманда. – Прости меня за все. Я вела себя как последняя эгоистка. Ты заставила меня понять это, и я сожалею...

Джен оторвала мокрое от слез лицо от плеча матери и посмотрела ей в глаза. Да, пусть невольно, но ей все-таки удалось найти подходящие слова, которые помогли Аманде опомниться. Казалось, она даже порозовела.

– Я так боялась, мама, – призналась Джен, громко шмыгая носом. – Ведь ты даже перестала пользоваться косметикой, перестала одеваться, как раньше. А погляди на свои волосы! Они выглядят просто ужасно!..

Впервые за много месяцев Джен была откровенна с матерью, но эта откровенность далась ей удивительно легко. И, как ни странно, Аманда вовсе не обиделась на ее слова. Напротив, она даже улыбнулась и, повернувшись к зеркалу, окинула себя критическим взглядом.

То, что она увидела, ей вовсе не понравилось. Женщину, которая отражалась в зеркале, все еще можно было назвать красивой, но выглядела она высохшей, печальной и неухоженной. И это было неудивительно, поскольку на протяжении вот уже почти целого года Аманда почти не обращала внимания на то, что с ней происходит.

Джен тоже посмотрела на мать в зеркало и неожиданно решила попробовать на ней прием Пола.

– Давай сходим сегодня вечером на вечеринку в салон отца Пола? – предложила она таким тоном, словно речь шла о чем-то совершенно обычном. – Он нас приглашает.

– Пойти туда? – опешила Аманда. – В этот магазин?

Как Джен и предвидела, это предложение потрясло и возмутило ее мать до глубины души. Казалось, на мгновение она даже забыла о смерти мужа.

– Ты, наверное, просто не понимаешь, что говоришь. Это настоящее безумие!

– Безумие – это то, чем ты занималась весь этот год, – жестко возразила Джен, которой не терпелось закрепить свой неожиданный успех. – Ну же, мамочка, сделай это для меня! Тебе вовсе не обязательно танцевать там и быть гвоздем программы. Приличное платье, немного косметики – и ты вполне готова. Если хочешь, я могу помочь тебе уложить волосы. Мы поедем вместе, так что тебе не будет там ни скучно, ни одиноко. Пожалуйста, мам, Пол будет просто счастлив!

– А может, нам лучше просто сходить в ресторан? – неожиданно засомневалась Аманда. – Мы поедем в «Спаго», все втроем. Я уверена, что Полу там очень понравится...

– Это мы сделаем в другой раз, – ответила Джен самым решительным тоном. – А сегодня я хочу, чтобы ты поехала с нами. Нам вовсе не обязательно оставаться там до вечера. Думаю, на первый раз вполне достаточно будет получаса. Главное, чтобы ты отважилась на этот шаг... Сделай это для меня, пожалуйста. Для меня, для Лу... для папы, наконец. Он бы очень расстроился, если бы узнал, что ради него ты заточила себя в четырех стенах. Я уверена – он хотел бы, чтобы ты была счастлива. Ну, что скажешь?

Она смотрела на мать затаив дыхание. Аманда задумалась; было видно, что она все еще колеблется. В какое-то мгновение она нахмурилась, и у Джен упало сердце – она была совершенно уверена, что все зря и что мать никуда не поедет ни сегодня, ни вообще когда-либо.

Аманда неожиданно выпрямилась и серьезно посмотрела на дочь.

– Ты действительно уверена, что твой отец хотел бы этого? – спросила она строго, и Джен уверенно кивнула. Удивительно, подумала она, как много, оказывается, может значить для тебя мнение другого человека, пусть этого человека уже давно нет на свете.

– Абсолютно, мама.

Это была ложь, но Джен очень хотелось, чтобы Аманда поверила ей.

– Хорошо. – Аманда кивнула и, повернувшись на каблуках, направилась в спальню. Джен последовала за ней, не смея спросить мать, что же она в конце концов решила. Аманда уже включила свет в гардеробной. Судя по звукам, которые доносились до Джен, ее мать перебирала висящие на вешалке платья. Прошло минут пять, прежде чем она снова появилась в комнате, держа перед собой вешалку, на которой висело строгое черное платье.

– Что ты на это скажешь? – спросила она у дочери, которая смотрела на нее во все глаза, не веря, что она все-таки сумела сделать это, сумела пробиться к матери сквозь стену горя и отчаяния, которой Аманда отгородилась от всего мира. Только сейчас Джен поняла, как сильно она рисковала, огорошив мать неожиданным предложением пойти на вечеринку, но все, слава богу, кончилось хорошо. Ей, кажется, удалось вырвать Аманду из дома, где мать твердо решила провести остаток своих дней. Фигурально выражаясь, Джен сумела вытащить мать живой из могилы мужа, куда та добровольно уложила себя год назад.

– Не слишком ли официально? – спросила Джен и задумчиво прищурилась. Платье совершенно не годилось для вечеринки, но Джен боялась спугнуть свою удачу. Войдя в гардеробную вслед за матерью, она быстро огляделась. – Ну-ка, взгляни на это, – сказала Джен, взяв с вешалки темно-пурпурное платье, которое, как помнила Джен, Аманда когда-то очень любила. – Примерь, не будет ли оно на тебе висеть – ведь ты стала такая... изящная, – поспешно добавила она, боясь, что Аманда снова начнет задумываться и сомневаться.

– Я стала худая, как кочерга, так будет точнее, – ответила Аманда, качая головой. Она не собиралась надевать это платье, и Джен сразу поняла – почему. Мэттью очень любил, когда Аманда надевала красное или пурпурное.

– А как насчет... – начала Джен, но Аманда уже высмотрела на вешалке очень красивое платье цвета морской волны. Когда-то оно было ей немного тесновато, но сейчас сидело просто идеально, к тому же бирюзовый цвет всегда оживлял Аманду. В нем она снова стала похожа на кинозвезду, которой когда-то была, и Джен не сдержала восхищенного вздоха.

– Отлично, ма! – сказала она матери, примерявшей платье перед зеркалом.

К платью Аманда надела темно-синие туфли на высоком каблуке и серьги с сапфирами. Волосы она зачесала назад и собрала в тугий узел, который был своего рода фирменным знаком кинозвезды Аманды Роббинс. Косметики она положила так мало, что, на взгляд Джен, макияж был совершенно незаметен.

– Глаза не подводи, мам, – схитрила она. – Они у тебя и так потрясающие. А вот немного румян не помешало бы. Впрочем, тебе решать...

Аманда критически покосилась на свое отражение в зеркале и кивнула:

– Да, пожалуй, но только совсем чуть-чуть. Я не хочу выглядеть как проститутка, которой во что бы то ни стало нужно подцепить клиента.

Услышав эти слова, Джен довольно улыбнулась. Аманда буквально на глазах возродилась из пепла. Она уже начинала шутить... в точности как когда-то. Несколько слов, которые Джен произнесла не подумав, без всякой задней мысли, изменили Аманду как по волшебству. От огородного пугала, в которое она превратилась за год, не осталось и следа; теперь Аманда снова стала похожа на нормальную женщину... Нет, на нормальную и очень красивую женщину, которую Джен знала и любила.

– Ну, что скажешь? – взволнованно спросила Аманда, нанося кисточкой на скулы последний штрих и поворачиваясь к дочери. – Как, по-твоему, я сойду за человека или я по-прежнему похожа на старую ведьму?

Она старалась говорить шутливо, но в ее глазах блеснули слезы, и Джен захотелось как-то подбодрить мать.

– Ты похожа на саму себя, мама, – сказала она, чувствуя, что от волнения у нее запершило в горле.

На ее глазах произошло настоящее чудо, и Джен была от души благодарна тем силам, которые сделали это удивительное превращение возможным. Аманда взяла себя в руки – и это было главным. Первый шаг к выздоровлению был сделан.

– О господи, мама, как же я тебя люблю! – воскликнула Джен, порывисто обняв мать. Та смущенно улыбнулась, умело подправила помадой губы и, побросав в сумочку необходимые мелочи, защелкнула замок.

– Я готова, – заявила она, вопросительно глядя на дочь. Сама Джен была в красном платье с черным пояском, которое она очень любила и надевала обычно на Рождество. В этом платье, с золотыми сережками в ушах, Джен была обворожительной и милой.

Джен взглянула в зеркало. Мать и дочь были очень похожи, и Джен с гордостью сказала себе, что сейчас они выглядят скорее как две сестры, а не как мать и дочь. И о том же – с гордостью и нежностью – подумала и Аманда.

– Я люблю тебя, Джен. Ты очень хорошая и добрая девочка, – прошептала Аманда, поворачиваясь к двери. Ей все еще не верилось, что они куда-то идут и что Джен удалось-таки уговорить ее отказаться от своего добровольного заточения. В глубине души Аманда продолжала сомневаться, правильно ли она поступает, но она твердо решила, что не изменит своего решения. – Мы ведь ненадолго? – спросила она, доставая из шкафа норковую шубку. В последний раз Аманда надевала ее на похороны Мэтта, но сейчас она усилием воли заставила себя не думать об этом. – Договорились?

– Я отвезу тебя домой, как только ты захочешь, – торжественно пообещала Джен. – По первому твоему слову.

– Хорошо, – кивнула Аманда. – Ну что, пошли?

В эти минуты Аманда выглядела такой молодой, хрупкой, взволнованной. Выйдя на крыльцо особняка, она быстро обернулась назад, словно прощаясь с кем-то, но прощание это было очень коротким. Потом она резко подняла голову и стала спускаться по ступенькам.

Глава 3

Подготовка к рождественской вечеринке в салоне Джека началась с самого утра. Над входом развесили гирлянды флажков, в витринах – венки из пальмовых веток, а в центре зала установили серебристую красавицу ель, привезенную из Колорадо. Ровно в четыре салон закрылся, и служащие начали украшать елку шарами, золотыми звездами и шелестящим серебряным «дождем».

Джек, спустившийся в зал в начале шестого, был очень доволен.

– Я знаю, – вздохнул он, – что, с точки зрения «зеленых», живая елка – это преступление перед человечеством, но что поделать – я их обожаю. Посмотрите на нее – настоящая красавица! А пахнет-то, пахнет-то как! Чувствуете? Снегом пахнет!

На каждое Рождество его салон превращался в подобие волшебной пещеры Аладдина. Все вокруг сверкало и переливалось, под потолком перемигивались электрические огни, заманчиво поблескивали зеркала трех баров, а в кухне охлаждалось несколько десятков ящиков с французским шампанским. Чтобы создать еще более праздничную атмосферу, Джек нанял небольшой оркестр из четырех музыкантов, хотя танцы программой не предусматривались.

В этот раз он разослал приглашения двумстам двадцати трем своим постоянным клиентам и близким друзьям, однако по опыту прошлых лет можно было предположить, что на самом деле гостей будет около трехсот. Предрождественская вечеринка «У Джулии» была заметным событием в светской жизни Лос-Анджелеса, поэтому в желающих попасть на нее недостатка не было. Среди приглашенных было и несколько звезд самой первой величины, которые, как Джек твердо знал, непременно придут, хотя обычно они показывались на публике не очень охотно. Но прием «У Джулии» не могла пропустить ни одна знаменитость, и вовсе не потому, что побывать на ней было престижно. Просто многие из звезд хорошо знали и искренне любили Джека и не хотели обижать его отказом.

– Ну что, Глэдди, как тебе нравится? – спросил Джек, в последний раз оглядывая убранство зала перед тем, как пойти переодеться. Специально для этой вечеринки Джек купил костюм от Армани, и ему не терпелось взглянуть на себя в новом костюме.

– По-моему, все просто замечательно, – ответила секретарша. – Как всегда, и даже немножечко лучше.

Она тоже очень любила вечеринки Джека. Глэдди было лестно возвращаться в таком изысканном обществе, и потом, на приемах «У Джулии» – независимо от повода – всегда было весело.

– Ладно, присмотри тут пока за всем, а я поднимусь к себе и переоденусь, – сказал Джек, скрываясь в лифте. Когда через двадцать минут он вернулся, его можно было снимать для обложки мужского журнала мод. Костюм Джека был темно-синим, но он вовсе не выглядел официальным, отчасти благодаря его полуспортивному крою, отчасти благодаря умению Джека носить любую одежду так, словно она была сшита специально для него и существовала в единственном экземпляре.

– Вы выглядите шикарно, шеф, – тихо проговорила Глэдди, когда Джек вышел из лифта. – У вас что сегодня, свидание? – добавила она, не скрывая своего любопытства. Кинозвезда, с которой Джек встречался в прошлом месяце, канула в прошлое, и теперь он обхаживал известную топ-модель.

– Да, свидание, – кивнул Джек. – И не одно, а по крайней мере десять. – Он рассмеялся беззаботным смехом. – К сожалению, сегодня утром Эстер уехала в Париж, но она сказала, что пришлет вместо себя сестру.

– Какая неслыханная щедрость с ее стороны... Или глупость, – заметила Глэдди и ухмыльнулась.

– Я думаю, у Эстер в Париже есть приятель, – ответил Джек самым беспечным тоном и рассмеялся. Подобные мелочи не могли отравить ему настроения; он умел радоваться жизни и неизменно пребывал в отличном расположении духа, каковы бы ни были его дела на личном фронте. В данном случае Джек вполне резонно полагал, что на Эстер свет клином не сошелся и что, если он захочет, у него будут десятки других женщин – лучше, ярче, сексуальнее. А в том, что он этого захочет, никаких сомнений быть не могло.

– А Пол и Джулия приедут? – спросила Глэдди, поднося к губам бокал шампанского. В дверях уже появились первые гости, и она решила, что на этом ее обязанности секретарши заканчиваются. Во всяком случае – официально. Когда-то, года четыре назад, впервые приглашая ее на вечеринку, Джек предупредил Глэдди, чтобы она чувствовала себя «просто гостем, облеченным особыми полномочиями», и она действительно отдыхала. Лишь в случае, если возникала какая-то проблема, а поблизости не было никого, кто мог бы ее решить, Глэдди включала свои профессиональные навыки.

– Они сказали, что постараются, – рассеянно отозвался Джек. В зал как раз входили Майкл Джексон, Элизабет Тейлор и Барбара Стрейзанд со своим новым любовником, и Джек поспешил навстречу, чтобы лично приветствовать звезд.

Через полчаса в зале буквально яблоку негде было упасть. Гости шутили и смеялись. Оркестр на эстраде исполнял джазовые вариации Эллингтона, шипело и пенилось шампанское в бокалах, а за широкими стеклянными дверями сверкали голубоватые огни фотовспышек – это репортеры снимали знаменитостей, которые все подъезжали и подъезжали. Пресса в зал не допускалась – Джек сам установил это правило: ему хотелось, чтобы гости чувствовали себя совершенно свободно и непринужденно, не боясь попасть в объектив какого-нибудь папарацци.

Было уже начало восьмого, когда Джен и Аманда подъехали к салону Джека. Оставив автомобиль служителю, чтобы он отогнал его на стоянку, Джен взяла мать под локоть и повела к ярко освещенным дверям салона. Она очень боялась, что в последний момент Аманда может внезапно передумать, и ее опасения были небезосновательны. Толпа фотографов, окружившая их на ступеньках, чуть было не повергла Аманду в панику, однако Джен не растерялась и крепче сжала ее локоть. По лестнице они поднялись так быстро, как только позволяли приличия, однако эта минута стала для Аманды серьезным испытанием. Когда они вошли в салон, она была бледна и слегка задыхалась, но лицо ее оставалось спокойным, и Джен была от души рада, что мать продолжает держать себя в руках.

В зале царил атмосфера настоящего праздника. Откуда-то доносилась негромкая музыка, звенели бокалы, раздавались взрывы смеха и возбужденные голоса. Гостей было очень много – гораздо больше, чем Аманда рассчитывала увидеть, – но, как ни странно, многолюдье ее не смутило. Кроме того, она многих здесь знала и лично, и по фотографиям в журналах, и это тоже действовало на нее успокаивающе.

Когда они разделись (их шубы принял почтительный седой швейцар), от толпы неожиданно отделились две женщины. Это были известные актрисы, которые когда-то снимались вместе с Амандой. Заклучив ее в объятия, они засыпали Аманду вопросами. Обе были искренне рады снова увидеть свою старую подругу, и им не терпелось узнать, что она делала все это время. Аманда рассказала им о смерти мужа и о том, что это ее первый выход в свет с тех пор, как он умер. Впервые за прошедший год она говорила о смерти мужа спокойно, и Джен, беседовавшая в сторонке с Джулией, сестрой Пола, посматривала на мать с гордостью и интересом.

Джек находился в это время на галерее, проходящей по всему периметру зала, болтая о том о сем со своим старым приятелем. Взгляд его упал на стоящих у входа Джен и Аманду, и он чуть не выронил бокал с шампанским, который держал в руке.

– Не могу поверить! – пробормотал он негромко и, извинившись, поспешил вниз, чтобы приветствовать свою невестку и ее мать.

– Не хочу показаться несдержанным, – шепнул он Джен, исподтишка косясь на Аманду, которая продолжала разговаривать со своими знакомыми актрисами, – но, честно говоря, я потрясен!

– Я, честно говоря, тоже потрясена, Джек, – вполголоса ответила Джен. – И, пожалуй, даже больше, чем ты. Я целый год старалась вытащить ее из дома. Чего я только не перепробовала, и вот нае тебе! Это ведь первый мамин выход с тех пор, как умер папа, но это еще не все. У меня такое впечатление, что она впервые приехала на подобную вечеринку с... Уж не знаю, с какого времени, Джек, но мне кажется, что я вряд ли ошибусь, если скажу, что после того, как мама оставила кино, она ни разу не бывала на таком празднике.

– Что ж, в таком случае я польщен, – ответил он, и Джен показалось, что Джек говорит совершенно искренне. Во всяком случае, он вежливо ждал, пока Аманда закончит беседу со своими знакомыми, и только потом подошел, чтобы приветствовать ее по всей форме.

– Я очень рад, что ты приехала, – сказал Джек, целуя Аманде руку. – Теперь моя «Джулия» будет настоящим светским салоном. Твое появление придаст моему заведению изыск и шарм, которых ему так не хватало. Спасибо тебе, Аманда!

Он слегка поддразнивал ее, но только чуть-чуть. Джек действительно считал, что, пока такие заметные в обществе женщины, как Аманда, игнорируют его магазин, ему действительно чего-то недостает.

– Я в этом очень сомневаюсь, Джек, – сухо ответила Аманда, качая головой. Ей трудно было сразу победить многолетнюю антипатию, которая существовала между ней и отцом Пола. – Впрочем, – добавила она, не желая показаться невежливой, – я рада видеть тебя. Ты организовал отличный прием, Джек, я уже встретила здесь много старых друзей.

– Я уверен, что они счастливы снова увидеться с тобой. Придется тебе почаще заглядывать к нам, Аманда. Я готов устраивать такие праздники каждый раз, когда ты придешь к нам за покупками.

Судя по всему, у Джека Уотсона было очень хорошее настроение, и Аманда благосклонно кивнула, принимая бокал шампанского от подошедшего к ним официанта. От Джека не укрылось, что рука ее все еще слегка дрожит, однако в остальном держалась она безупречно, так что посторонний человек ни за что бы не догадался, что она нервничает. Ничего удивительного в этом не было: Аманда Роббинс, или Кингстон, была настоящей леди – прекрасно воспитанной, образованной, умеющей владеть собой в любых жизненных ситуациях. К тому же, в отличие от многих актеров своего поколения, с которыми она когда-то снималась, Аманда сумела сохранить свою свежесть и красоту. Джек никак не мог поверить, что ей уже пятьдесят. Даже его искушенный глаз не мог заметить в ней никаких примет возраста; Аманда выглядела лет на тридцать восемь – сорок и могла бы выглядеть еще моложе, если бы не ее чрезмерная худоба и печать усталости на лице.

– Ты очень хорошо выглядишь, Аманда, – сказал он, от души надеясь, что она не сочтет его комплимент за дежурную вежливость. Джек несколько не кривил душой: даже в такой толпе, как эта, рядом со звездами, имена которых знал весь мир, красота Аманды не могла остаться незамеченной. Да и ее зеленовато-синее платье и сапфировые серьги смотрелись очень изысканно на фоне рождественских блесков, шелка и атласа, в которые вырядились большинство приглашенных женщин.

– Как вообще дела? – вежливо спросил он.

– Спасибо, ничего... Ничего хорошего, – честно ответила она и печально улыбнулась. – Да ты, наверное, знаешь: для меня это был очень тяжелый год. Впрочем, сейчас, кажется, все самое трудное уже позади, хотя я до сих пор удивляюсь, как я смогла пережить все это.

Она действительно верила в то, что говорила, и Джек сочувственно покачал головой.

– Со мной однажды тоже случилось... что-то подобное, – сказал он, имея в виду трагическую гибель Дорианны. Как ни странно, Аманда невольно вот уже во второй раз навела его на мысли о Дори, хотя между ними двумя не было никакого внешнего сходства. Скорее всего во всем были виноваты похожие обстоятельства или что-то еще, недоступное логическому анализу.

– Я думала, что ты разведен, – сказала Аманда, неловко переступая с ноги на ногу. Многие из гостей узнали ее и начали потихоньку перешептываться, поглядывая на нее:

– Смотрите, вон Аманда Роббинс!..

– Неужели это та самая, знаменитая Аманда Роббинс?

– Боже, сто лет ее не видел!..

– Вы не знаете, почему она больше не снимается? Она выглядит просто великолепно!

– Думаете, пластическая операция? Все равно, это просто фантастика!..

Так они переговаривались между собой; от их голосов зал наполнился приглушенным гулом, и Аманда не могла этого не заметить, хотя и делала вид, будто все это относится не к ней.

– Да, с женой мы разошлись, – негромко ответил Джек и ненадолго замолчал, раздумывая, как объяснить Аманде, в чем дело. – Просто тринадцать лет назад погибла женщина, которая была мне очень дорога. Наверное, это не совсем то, что пережила ты, но мне было очень тяжело. Она была... совершенно особенным человеком.

– Мне очень жаль, Джек, – негромко сказала Аманда, склонив голову. – Я ведь ничего не знала об этом, да, честно говоря, и никогда не пыталась узнать.

Их глаза неожиданно встретились, и Джек вдруг испугался, ощутив, как внутри его – словно копка сена, к которой поднесли огонь, – вспыхнуло какое-то новое, незнакомое чувство. Несмотря на свою кажущуюся холодность, Аманда, без сомнения, была очень интересной и незаурядной женщиной, обладающей какой-то особой, притягательной силой. И, как ни странно, сейчас она показалась ему гораздо более живой, чем год назад, когда она еще не стала вдовой.

Джеку захотелось сказать ей какие-то искренние, теплые слова, но его отвлекли. К салону как раз подъехала еще одна звездная пара, которая не числилась в списке приглашенных. Джек поспешил распорядиться, чтобы гостей пропустили, и хотел было вернуться к Аманде, но Глэдди потянула его за рукав, ибо в связи с наплывом гостей у главного повара неожиданно возникли сомнения, хватит ли на всех порционной индейки. Извинившись, Джек быстро последовал за своей секретаршей, а к Аманде подошла Джен.

– Ну, мам, как дела? С тобой все в порядке? – преувеличенно бодро спросила она, не зная, как повлиял на настроение матери разговор с Джеком. Судя по выражению лица Аманды, она была спокойна и даже, кажется, довольна, однако Джен все равно волновалась. Вечеринка была замечательной, но ее мать просто не привыкла к подобному неформальному общению.

– Со мной все отлично, дорогая, – откликнулась Аманда. – Спасибо, что вытащила меня сюда. Я тут встретила своих старых друзей, с которыми не виделась уже бог знает сколько времени. Да и Джек был очень... мил.

– Мил?! – Джен вытаращила глаза. Джек – мил? Да что такое с ее матерью? Еще год назад Аманда ни за что бы не сказала ничего подобного, а сейчас она как будто извинялась за то, что говорила и думала о нем прежде. С другой стороны, сегодня Джек действительно

выглядел очень респектабельно, к тому же здесь он был в своей среде и не так выделялся, как прежде, когда оказывался среди чопорных и нудных друзей и родственников Мэтта.

А Аманда и вправду была почти очарована Джеком, хотя ни за что бы в этом не призналась даже самой себе.

– Скажи, когда приедет твой Пол? – спросила она у дочери.

Джен посмотрела на часы.

– С минуты на минуту, – ответила она. – Если только его что-нибудь не задержит.

В этот момент, как будто услышав ее слова, Глэдди позвала Джен к телефону. Звонил Пол. Он сказал, что задерживается ненадолго на переговорах и что постарается приехать сразу же, как освободится.

– Ни за что не догадаешься, кто приехал сегодня к твоему отцу! – с трудом сдерживая торжество, заявила Джен, и Пол рассмеялся. По голосу он понял, что у Джен отличное настроение, чего с ней не случалось уже довольно давно. Постоянная напряженность в их отношениях начинала действовать ему на нервы, и Пол вздохнул с облегчением.

– Том Круз, – быстро ответил он. – Или скорее Мадонна. Отец давно к ней неравнодушен.

– Не угадал, Пол, не угадал! Сегодня у твоего отца в гостях сама Аманда Роббинс!

Пол негромко присвистнул:

– Значит, тебе все-таки удалось выкурить мать из ее норы? Как ты это сделала? Пустила слезоточивый газ или подожгла дом? Впрочем, я очень рад, Джен, ты просто молодчина. Как она там?

– По-моему, неплохо. – Джен понизила голос и обернулась через плечо, хотя Аманда была далеко. – Во-первых, она здесь почти всех знает. Во-вторых, твой отец ведет себя прилично. Наверное, мама ожидала, что здесь будет что-то вроде оргии, но пока все очень... чинно. Кстати, ты ее просто не узнаешь, мама выглядит совершенно сногсшибательно. Она причесалась, подкрасилась и – оп-ля! – снова стала знаменитой кинозвездой. Это было похоже на волшебство, Пол. Я ей даже завидую – она гораздо красивее меня.

– И все равно я бы выбрал только тебя, моя дорогая, не забывай об этом.

– Спасибо, Пол. Я люблю тебя, – ответила Джен, искренне тронутая его словами. О том, что Пол мог сказать их просто по привычке, она старалась не думать.

– Кстати, если Аманда действительно выглядит так, как ты говоришь, постарайся сделать так, чтобы мой отец держался от нее подальше. Я знаю, это будет нелегко, но... Придумай что-нибудь, Джен, иначе мы оба будем иметь такую головную боль, что и врагу не пожелаешь. В лучшем случае Аманда просто перестанет со мной разговаривать. Да и ты, наверное, тоже.

– Не думаю, что нам это грозит, – со смехом возразила Джен. – Кстати, они уже очень мило побеседовали. Во всяком случае, после разговора с твоим отцом мама решила остаться еще ненадолго. К тому же здесь такая толкотня, что Джеку не до нее. Он ужасно занят – развлекает знаменитостей.

– Знаменитостей женского пола, вероятно, – предположил Пол. – Бедняга, если он не поостережется, они могут сожрать его живьем... как поступают самки богомола. Да, Джен, жизнь трудна и полна опасностей, по крайней мере для таких, как мой отец. Но ты не волнуйся – я постараюсь приехать как можно скорее и спасу вас обеих. Не отходи далеко от телефона – когда я буду выходить, я позвоню еще раз.

– Приезжай скорее, Пол, я тебя очень жду, – ответила Джен и повесила трубку. Она была очень довольна – за прошедшие несколько недель они с Полом впервые поговорили как муж и жена, а не как двое чужих, раздраженных друг другом людей.

Когда Джен вернулась в зал, она увидела, что ее мать разговаривает с Джеком, и решила не мешать им. Ей давно хотелось, чтобы Джек и Аманда перестали относиться друг к другу

с враждебной настороженностью и стали друзьями, но она не знала, как это можно сделать. И вот теперь, похоже, все наладилось без ее участия. Слушая Джека, Аманда улыбалась, а он, напротив, был очень серьезен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.